

Максим Друзь

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Новая надежда России

поствыборный лубок с супергероями и
несчастной любовью

Максим Друзь

Новая надежда России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43369442

SelfPub; 2019

Аннотация

Действие происходит в России в канун выборов 2018 года. Провинциальная золушка Надя внезапно оказывается в свите Президента – и, более того, становится центральной, почти сакральной фигурой для будущего страны. Однако эта роль грозит ей смертельной опасностью, и на выручку Наде бросается друг Максим – идя по ее следам, затерянным среди секретных, населенных странными людьми городов, он постепенно открывает для себя истинное устройство России. Книга не является политическим или сатирическим памфлетом; скорее, это постмодернистский комикс с легко узнаваемыми героями. Содержит нецензурную брань.

Содержание

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	4
Эпиграф	5
24 февраля	6
1 марта	17
7 марта	22
19 марта	43
16 марта	80
17 марта, утро	109
Конец ознакомительного фрагмента.	121

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Книга, которую вы держите в руках, специально сконструирована маркетологами таким образом, чтобы быть приятной для употребления широким кругом неискушенных читателей. Несмотря на пафосное название, это исключительно приключенческое, развлекательное, конъюнктурное чтение на пару вечеров, честно не претендующее ни на что большее. Не стоит искать здесь злободневную политическую сатиру или, вчитываясь между строк, пытаться обнаружить потаенные мысли о судьбах России – их нет. Зато тут есть: погони, драки, откровенная любовь, сомнения и метания, интриги, таинственные загадки, сплетни о высшем свете, и, разумеется, юмор. Все это сделает знакомство с произведением исключительно легким и необременительным.

И вот ещё: во избежание обвинений в диффамации и подрыве устоев, сразу ответственно заявляем, что этот текст – вовсе не о том, что может прийти вам в голову на первых же страницах. Все персонажи являются плодом романтического воображения автора, ну а в том, что они, вполне вероятно, покажутся вам похожими на реальных людей – ваша, и только ваша вина. Мы тут абсолютно ни при чем.

Эпиграф

*Покуситесь на президента,
Пригласите его в катакомбы,
И на глубине рваните чеку.
Любовь – это страшная бомба.*

*Хочешь стать государственной тайной,
Мечтой в броне невесомой?
Помни: он в сердце бомжса,
И в дыханье Газпрома.*

“Ундервуд”

24 февраля

привет Дневник!

я решила начать записывать всё, что со мной происходит, потому что сегодня – удивительный и чудесный день, и его события надо сохранить для истории. Кто знает, в какие книги и летописи в будущем может попасть мой рассказ, но, как настоящий историк (хотя пока и без диплома:), я знаю, что должна ответственно и подробно зафиксировать всё, свидетелем чему оказалась. Да что там свидетелем, я была в самом центре событий, и так счастлива от этого;) Сегодня я познакомилась с самым лучшим ЧЕЛОВЕКОМ на земле. Ты еще не знаешь об этом, но его портрет висит над моей кроватью с самого детства, и можешь себе представить, что для меня значит эта встреча! и даст Бог, мы сможем увидеться снова – по крайней мере, он сам! мне так сказал. Впрочем я, как восторженная девчонка, торплюсь сразу сказать всё самое главное, а ведь надо записывать по порядку и с самого начала,

итак:

в нашем Университете сегодня проходил Конкурс Красоты среди студентов (студенток) и я, как умница-отличница-почти-совсем-краснодипломница, и вообще староста, была в Оргкомитете. Меня уже второй раз туда назначили, и, честно говоря, делать там особенно нечего, сплошная

скукотница: надо следить, чтобы у членов жюри всегда была вода на столе, ну и все такое. Зато можно из-за кулис вблизи посмотреть на наших красотуль:) Лучшие всех, конечно, была Элька из моей группы (потом про неё расскажу, если не забуду), ну, она и победила в конце концов, как я надеялась) Хотя речь не о ней.

Мы все, конечно, знали и готовились, что на Празднике будет ОН. Конкурс-то красоты для девушек обычно где-то в районе 8 Марта делают, это же само-собой разумеется, а тут всё сдвинули на Мужской праздник, из-за того, что ОН только сейчас приехать смог. А я всё знала, потому что ещё с осени меня (да и остальных тоже, хотя все помалкивают) стали проверять, давать какие-то анкеты, в которых надо было указывать адрес эл. Почты, телефон, про родителей, и ещё миллион разных вещей – ну что ж, так надо, безопасность выше всего, а люди разные бывают. Я всё прилежно заполнила:) У него сейчас много поездок по всей нашей Стране, потому что скоро выборы, на которых люди будут за Него голосовать, и он хочет со всеми пообщаться (забыла тебе сказать: это же будут первые самые настоящие Выборы в моей жизни, и я, конечно, готовлюсь к этому событию – вот даже уже договорилась, что меня возьмут в Наблюдатели). Да что я всё не о том!

Пока ректор зачитывал приветственную речь, а потом представлял всех участниц, я стояла сбоку, выглядывая из-за занавеса, и всё высматривала, не могла понять, где Он:

в жюри не сел, а в зале темно, и даже в первых рядах не разглядишь, кто где сидит. Распорядитель наш закулисный – худрук Степан Марьяныч из студ. Театра стал выпускать девушек на сцену, подгоняя их хлопками: хотел и меня шлёпнуть по ляжке, но я ловко увернулась и отпрыгнула в сторону. Не для тебя, Степка, ягодка росла:) Я ему тут же сказала самым прямым образом, чтобы он не руки распускал по чужим попам, а пошел бы лучше на худой конец воды мне принес из ящичка с бутылками, хоть какая-то польза от него была.

И тут как раз увидела, где Он! Сел в первом ряду, а все наши дяденьки – ректор и прочие, которые были в жюри, получилось, сидели перед ним за столиками, спиной, и нет-нет да и оглядывались назад, так забавно:) Впрочем, это я сейчас пишу, что забавно, а ТАМ всё было очень ответственно. Вот например, когда уже всё началось, мне надо было всё время ходить между столиками, а значит, рядом с НИМ, и чтобы не дай Бог никого не задеть, водой не облить, и вообще быть незаметной как мышка, чтобы не загоразживать сцену. Я справилась, конечно, я со всем справляюсь (ой, это нескромно наверно) но я очень волновалась от этой на первый взгляд, маленькой, но на самом деле очень ответственной задачи. Было очень интересно на него смотреть вблизи, но если быть честной, то мимо я прошла всего два раза, и всё-таки было очень темно в зале, я почти ничего не разглядела, только то, что Он кажется немного уставшим, но

всё равно улыбается нашим девчонкам-участницам.

Ну вот, но это не главное.

А главное то, что когда все закончилось (в смысле, Конкурс), они всё – с ректором, помощниками всякими, и другими, пошли в Синий зал и стали там о чём-то говорить, двери закрыли, естественно, а рядом встали люди из его сопровождения, и ещё разные лица из нашей администрации. И даже губернатор вроде бы как с ними, но из-за спин плохо видно. Стоят, ну и переговариваются тихонько между собой. Я проходила мимо с пачкой протоколов из жюри (несла к себе в Профком) и тут ко мне кинулась Ирина Львовна из международных отношений, обнюхала всю с головы до ног носиком своим (осмотрела внимательно то есть) и прям трясётся:

“Соловьёва! (это моя фамилия – Соловьёва), ты же есть у нас в списках ФСО, тебя проверяли?”

“Да, отвечаю, Ирина Львовна, проверяли в хвост и в гриву”.

“Тогда, говорит, бросай свои бумажки, твоя помощь нужна!”

И.В. подвела меня к Николаю Николаевичу (это первый проректор), и говорит ему: “Вот, это Соловьёва, наша первая отличница и активистка (хотя НН меня сам знает по всяким волонтерским делам), давайте её запустим”, а он тоже посмотрел на меня пристально, и покивал согласно. Тут я влезла и спросила, что случилось, и что надо делать.

“Ай, говорит Н.Н., забыли им чай дать! Они так быстро в зал зашли и двери закрыли, что мы не успели все подготовить. Это все вы, Ирина Львовна, не доглядели! Вы же у нас только хоботом на собраниях трясти умеете, а весь чай ушами прохлопали! А теперь, получается, нам самим войти к ним неудобно без приглашения, вдруг что секретное. А такой студенточке, как ты, Соловьёва, в самый раз. Так что задержись на минутку, возьми вот этот подносик и заходи тихонечко. Чашечки на стол им расставишь, из чайничка накапаешь по половинке – только не ошпарь там никого, ради всего святого! – и тут же выходи, поняла? С товарищами согласовано” – и показал на парней в костюмах.

Я, конечно, разволновалась, но виду не подавала, взяла этот поднос и зашла в Зал (дверь мне распахнули). А в зале всё убрано, стоит столик и несколько кресел, в двух сидят: он – спокойный, нахмуренный немного, и ректор, весь красный и как будто смущённый. И в углу на стульчиках ещё несколько человек сидело, их я плохо рассмотрела. И вот ректор увидел, как я захожу с чашками и печеньем, и чуть не замахал на меня руками и своими усищами, что я не вовремя. А ОН, наоборот, посмотрел на меня, увидел на груди значок с его же изображением, который мне ещё в прошлом году в летнем лагере МГ дали (не зря, значит, надежда!), улыбнулся слегка и говорит, не обращая внимания на ректорские волнения:

“Это вы чай принесли? Спасибо. Поставьте, пожалуйста-

ста, вот на этот столик”.

Вблизи он совсем не такой, как в телевизоре или на фотографиях в интернете – выглядит моложе, не такой серьезный, и совсем не страшный. Спокойный и, как бы это сказать, понятный – не ждёшь подвоха. Но и не такой важный, или какой-то необыкновенный, просто хороший человек. И это всё я поняла только с одного взгляда. Подошла, расставила чашки, а сама всё стараюсь на него поглядеть, и почему-то от этого улыбаюсь:) Глупо, да? Даже стыдно немного за такое поведение.

А он присмотрелся ко мне получше, и тоже вроде улыбнулся, хотя до меня у них с ректором явно был разговор не очень приятный. И спрашивает:

“Мы, кажется, с вами встречались совсем недавно? У меня на лица память очень хорошая. А, припоминаю. Это вы коллегам воду разносили, верно?”

“Да”, киваю, а сама не знаю, как к нему обращаться – то ли по имени-отчеству, то ли по должности, но так уж совсем смешно получится, так ничего и не прибавила больше.

“А почему же вы в конкурсе красоты не участвовали?” – интересуется.

“Ну куда мне. Я же не такая красивая”, говорю. Тут он меня смутил, поэтому, неверное, немножко дерзко вышло, как будто я кокетничаю. Потому что на самом деле, я думаю, что я довольно красивая, ну, или по крайней мере, нормальная. Просто для того, чтобы на сцене выступить, на-

до другой быть, как, например, Элька – тонкой, изящной какой-то, да ещё уметь из себя красавицу подать, правильно накраситься, двигаться как следует, ну и так далее. Я бы, наверное, тоже смогла, только не хочу и душа у меня к этому не лежит – что приятного, когда тебя рассматривают, как собачку на выставке? К тому же наши девчонки, кто там был, они всё реально тощие, потому что хотят быть как настоящие модели, и потому что так модно. А я не тощая, но не потому, что толстая, а потому что у меня с детства спорт – плаванье, и теннис, и выездка с троеборьем, и походы с ориентированием. Да чем я только не занималась, так что фигура у меня совсем не модельная: слишком плечи широковаты, ноги такие, что узкие джинсы лучше не носить, да еще и дылда, каких мало (высокая, в смысле). Но вообще на меня, бывает, и заглядываются: всё-таки волосы красивые, длинные (хоть и не яркие, русые – я их не крашу никогда), лицо правильное (скулы тяжеловаты – это мне от прабабушки-татарки наследство, но так даже интереснее), нос, рот, это всё в порядке. Элька говорит, когда подлизывается, что я красивее её, а она просто «вешалка» (врёт, конечно:))) Но вот эти конкурсы красоты – фуу, не для меня это!

Но тут Он меня совсем раскраснеться заставил от смущения, говорит:

“Нет, не согласен. Вы – настоящая русская красавица. Не такая, прости Господи, как у некоторых наших «живых

классиков постмодернизма» (это я не поняла, но при этом он так хитро сощурился, что сразу стало ясно, что этих «классиков» нужно поставить в кавычки), а самая настоящая, какой и должна быть. С вас можно было бы написать новую «Родину-Мать», наверно. Если захотите, конечно”.

Я глаза опустила, конечно, а самой приятно, слов нет.

“Вот видите Александр Николаевич, продолжает Он уже в сторону ректора, это всё к тому же, о чем вы мне рассказываете. Смещены у вас акценты в учреждении в какую-то не нашу, непонятную сторону. Устроили конкурс красоты, в чуждом нам нравственном ключе, как будто у Дональда (это я уже догадалась, что он про «Мисс Вселенная»), а вместо этого нужно работать с молодежью, воспитывать хороших и правильных ребят и девушек. Как наша гостья (показал на меня), понимаете? Если это не сделаете вы здесь и сейчас, не обеспечите это воспитание, то с кем мы будем завтра работать на благо России?..”

Ректор уже понял, что для него гроза прошла, и загудел:

“Как же, всё понимаем, работаем... У нас почти все такие же молодцы, как наша Соловьёва (тут ОН почему-то нахмурился, но потом понял, что это про меня, и кивнул. А ректор – надо же, знает, как меня зовут!), просто эта в числе самых лучших. Стараемся, воспитываем...”

«Ладно – поморщился Он, и так недобро пустой чашкой по столу пристукнул, – вы лучшие не оправдывайтесь, таких воспитателей сажать надо в спецколу, трудным под-

росткам слюни подтирать, и то не уверен, справитесь ли. А потом говорит уже мне: Вас, простите, как зовут? Если не секрет.”

“Не секрет, отвечаю – Надеждой”.

“Вы знаете, Надя... можно вас так называть? Мы устраиваем прием через две недели для активистов молодежных организаций – самых отличившихся. Думаю, что вам было бы полезно на этом мероприятии поработать. Как, Александр Николаевич, отпустите Надежду в Москву?”

Ректор снова усами замахал – согласен, типа, а я аж ахнула про себя. Подумала, значит, я увижу Его снова?

“Вот и отлично. Будем вас ждать в Кремле. И вот что, Наденька, принесите нам снова чаю, пожалуйста. И пригласите губернатора, а то неудобно, задерживаем человека” – и снова улыбается.

Я вылетела из зала, как на крыльях, и ко мне сразу же бросились НН и ИЛ и стали спрашивать, что там происходит) Я сказала, что хотят ещё чая и губернатора. Губернатор тут же побежал внутрь, а НН тоже туда сунулся было, но ему там что-то такое сказали, что он быстро закрыл дверь, оглядываясь с опаской, отошел от неё и сказал мне, что чаю уже, оказывается, не надо. Эх, жалко, так я и не попрощалась, это же совсем невежливо вышло((((Может быть, теперь он забудет про меня и про свое приглашение? Ну что ж, человек занятый, всякое может быть,

а свою минуту славы я уже всё равно получила, всю жизнь буду помнить.

Нет, ОН не такой! Это какой-нибудь другой может забыть, а он – нет! В любом случае, пробьюсь через приемную к ректору и напомню ему, что он обещал меня в Москву отправить. Теперь уже не отступлюсь, буду добиваться своего.

Дома, конечно, рассказала маме и папе обо всем. Мама была очень рада и горда мной, это же она повесила портрет Президента в моей комнате ещё в раннем детстве. Папа, как обычно, только удивленно покачал головой – он у меня, как он сам выражается, «левых» взглядов и ко всем людям во власти относится «скептически», но я-то знаю, что это всё напускное. Что папе тужить, если он профессор в медицинском институте, получает там нормальную (хорошую) зарплату, и всё, что у нас есть, в конце концов от государства, а получается, и лично от президента?.. Так что тут он меня не обманет:)

Всё, наконец-то всё записала. Ошибок наверное, караул сколько – поздно совсем, мысли путаются и слова тоже. Ничего, потом все перепечатаю набело, если кому-нибудь захочу дать почитать (и надо все эти нескромности девчоночки убрать не забыть, а то чёрте что такое). А сейчас – пора спать.

Я такая счастливая! Ура!

ПС. Надо будет ещё Эльке завтра рассказать. И Мак-

су обязательно. Хотя он, наверное снова расстроится, это уж как гадалке пить не давай. Взял манеру обижаться, понимаете, что я где-то отдельно от него всё время, а тут аж в Москву ехать. Ну нет, надо сказать ему, чтобы заканчивал все эти сопли! Я сделаю из него человека:)

1 марта

Привет, дневничок,

сегодня кратко, потому что времени совсем нет:) Жизнь моя становится все удивительнее.

Во-первых, позвонила Анфиса Васильевна из бухгалтерии и попросила зайти подписать авансовый отчет. Я начала спрашивать, за что отчитываться-то, но выяснилось, что я неправильно её поняла и наоборот, должна получить деньги на командировку (вот как!) в Москву. Пришла к ней, она отсчитала мне двадцать тысяч под роспись (я прям охнула от такого количества) и командировочное удостоверение, в котором так и написано «Направляется в командировку в город Москву, в АДМИНИСТРАЦИЮ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ!!!» Обалдеть. Ещё сказала зайти к Эльке (а я забыла сказать, что Элька подрабатывает на практике референтшей в ректорате) и узнать насчет гостиницы и прочего. Я побежала в ректорат, там Элька смотрит на меня завистливым глазом (уже неделю) и говорит шёпотом: смотри, Соловьёва, мне сказали на тебя средств не жалеть, я тебе гостиницу забронировала самую лучшую, в центре (называется «Времена и свобода») кучу денег стоит, но зато до Кремля пешком пять минут, круто, да? Сказала, что билетов на самолет нормальных нет – редко от нас самолеты летают, потому что до Москвы

рукой подать и все на поезде ездят, зато купе у меня будет фирменное туда и обратно. Говорит, давай, Надин, помни добро и давай там, смотри по сторонам внимательно, может местного богатенького зацепишь! Тоже мне, юмористка, Сергей Дроботенко в юбке:.) Молодец Элька, хотя я не привереда и могла бы и поскромнее устроиться. Мне же много не надо, и к походной жизни я привычная. Ну ладно, так тоже здорово получилось. Мы с ней ещё немножко поболтали, хотя уже раньше всё-всё обсудили. Она, конечно, сначала расстроилась, что Сам на неё с первого ряда смотрел, всю такую красивую и в прожекторах сверкающую, а заметил, оказывается, меня. Ну ничего, она нормальная, долго сердиться не умеет:.) К тому же у неё и без Президента поклонников полно, не то, что у меня) Да и какой он «поклонник», о чем это я – у Эльки моей и мыслей таких быть не могло.

Во-вторых, позвонил какой-то очень серьезный дядечка, представился Александром Сергеевичем, спросил, намерена ли я присутствовать на Президентском молодёжном мероприятии, а потом начал долго и очень занудно всё про меня выспрашивать – и про родителей, и про учёбу и т.п. В общем примерно то же самое, что я в анкете уже писала, когда мы к приезду готовились. Я всё ответила без запиночки, он поблагодарил (надо же, какой вежливый:.) и сказал, что через пару дней перезвонит, а если даже и не перезвонит, то значит, всё в порядке и можно ехать.

В общем, мой поезд через три дня, в понедельник утром приезжаю в Москву и покоряю столицу! Это я для красного словца, скорее всего будет не до безделья: сначала будет Всероссийский форум молодёжных активистов (это в комплексе «Олимпийский», как сказал Александр Сергеевич, надо будет посмотреть на карте, далеко ли от гостиницы и от Кремля), там будут всякие командные игры и занятия, и продолжаться это будет до среды, а вот в среду вечером будет приём в самом Кремле, и я на него тоже приглашена! А.С. сказал, поэтому и проверяют. Как будто я не понимаю:)

Вот и все мои новости. Хорошо, что завтра пятница, потом выходные, а там уже Москва. Скорее бы.

Да, ещё перечитала прошлую запись и увидела, что там куча имен, о которых ничего непонятно. Надо это исправить. Буквально два слова тут оставляю, чтоб было яснее. Ну, про Эльку уже всё сказано – лучшая подруга по учёбе, не разлей вода, вместе и занимаемся, и развлекаемся. Она добрая и веселая, хотя в последнее время всё больше времени проводит с мальчиками, но и на меня у неё время остается. Кто ещё? Да, Макс же! Максим тоже хороший, но с ним всё сложно(

А, да что там сложно. Всё понимаем, не маленькие. Вырос и вздумал в меня влюбиться. Я его знаю чуть ли не с детского сада, и он мой самый настоящий, единственный друг. Хотя, наверное, уже нужно сказать, что БЫЛ друг, и это

очень-очень грустно. Я-то его по прежнему считаю другом, и люблю как друга, а он вбил себе в голову, что теперь он уже взрослый и мы с ним должны обязательно быть вместе, как парень и девушка. Прости, Макс, но это не для меня. Ну или не сейчас, по крайней мере. Во-первых, он еще маленький совсем, всего на два года старше меня, хотя и изображает из себя какого-то «Ковбоя Мальборо», как в старинном фильме – отрастил волосы хвостом, и даже бороду (очень колючая), скопил денег на мотоцикл, на котором везде гоняет, и очень гордится тем, что уже закончил университет и типа весь такой самостоятельный. Но если встречаться по-настоящему, то это же, считай, уже всё равно что замуж, а замуж я за такого мальчишку не хочу, и всё тут. Вот если бы нашему Максиму было лет тридцать... Но он же не будет столько ждать. Или если бы Макс был таким же как... Нет, это я уже совсем куда-то не туда вернула, аж самой страшно:)

Во-вторых, ну какой он муж, что за глупость. В конце концов, друг семьи, всегда где-то под рукой – и на кружках после школы, и в лагерь нас старались вместе отправлять, и никогда он не пытался меня как-то особенно оберегать (я этого не люблю, да и незачем было), то есть вести себя со мной, как мужчина, даже дрались иногда:) Ну как такого всерьёз воспринимать? Нет уж, пусть он себе не выдумывает – друзья и точка, и такого друга я терять точно не хочу, а если начать любовь-морковь крутить, то ничем хо-

рошим по любому не закончится. Надо ему как-то это объяснить, чтобы понял наконец. Ну вот, все написала тут, и сама вроде бы разобралась, а то до этого и сама не понимала, что мне от него нужно?

Ах да, Максу я тоже, конечно, всё рассказала на следующий же день – и про Москву, и про ВВ. Он похихикал, конечно, но назвал меня «умницей» и пожелал счастливого пути. Вроде даже совсем не расстроился, что я уезжаю. Ну и ладно, черт с ним)

Скорее бы воскресенье и на поезд! Спокойной ночи!

7 марта

Я в Москве! Надо было сразу всё записывать, с первого дня – столько всего произошло, голова кругом, куча людей, событий, новых знакомых, и боюсь, я уже половину всего забыла:) Но надо заставить себя сесть и всё главное записать (хотя сейчас, если честно, уже два часа ночи, то есть получается, число не 7, а уже 8е – Праздник уже! и устала ужасно. Но я так возбуждена, что вряд ли быстро засну, так что лучше использовать это время с пользой и заполнить дневник).

Первые два дня, которые я провела в Столице, были очень насыщенные, но писать я о них подробно не буду – хочется сохранить силы на интересное, которое произошло сегодня (ой, ну то есть вчера, ты понял:) Сначала приехала в гостиницу на метро (очень красивое, только людей столько, сколько, наверное, во всём нашем городе не наберётся), умылась, погуляла немножко по улицам и даже до Красной Площади дошла. Потом поехала в комплекс Олимпийский, где уже после обеда началась наша регистрация, потом обед там же, а вечером был огромный концерт со всеми самыми лучшими артистами, которых я раньше только по телевизору видела, потом расскажу поподробнее:) Добралась до гостиницы уже поздно, ближе к полуночи, а наутро рано снова на форум. Там нас разделили на команды и нача-

лись занятия, лекции, дискуссии и, самое классное, конкурсы (точнее это была одна большая игра, в которой надо было набирать баллы за все два дня). Тема была «Мы рулим страной», то есть надо было вообразить, что мы – настоящее правительство с Думой и прочим, и управлять государством, делая его лучше. Я уже много раз в таком участвовала, поэтому первым делом со всеми перезнакомилась и стала всем помогать – и в своей команде, и даже некоторым из других, кто хотел, потому что тут самое главное – все делать сообща, ну то есть организаторы на это смотрят в первую очередь. Особенно в понарошечной думе ссориться и спорить друг с другом нельзя было – там чем быстрее к общему мнению приходишь, тем больше баллов получаешь. На этом наша команда и погорела: упёрлись, как страусы, в законопроект об автофекальной реформе, и потратили слишком много времени. Выяснилось, что главное было всем единогласно закон принимать, неважно, в каком варианте.

В результате моя команда заняла всего второе место! (жаль, конечно, но ребята, с которыми мы соревновались в финале, были старше и объективно гораздо опытнее нас), а я сама оказалась первой в дополнительной номинации «Лучший товарищ». Это было очень здорово, когда вернусь к себе домой, надо будет доклад сделать на собрании, и повторить всё это у нас. Ну да ладно, про это можно долго рассказывать. Главное, друзей у меня теперь появилось очень много со всех уголков нашей Страны – чуть ли не в каждом

городе будет теперь, к кому пойти в гости при случае:)

ЕГО я там видела только издали – я сидела на трибунах, а он прочитал небольшую речь на открытии. Говорил, чтобы мы осознали, что именно нам здесь жить, а не кому-нибудь другому, и что только мы будем управлять страной и развивать её буквально через несколько лет – не ему же одному этим заниматься (этого он не говорил, это я от себя добавила:) Так всё и есть. Я не понимаю людей, которые только и могут от государства требовать, чтобы оно им то подало, это сделало, а сами как будто не осознают, что они все вместе и есть общая страна, и если каждый не будет делать всё, что может сделать хорошего для себя и для других, то никакое правительство тут не поможет. Россия – это же люди, а не какое-то непонятное «государство», которое как-бы существует где-то отдельно от населения, и как бы ни при чем. И уж тем более Россия не какой-то кусок земли, очерченный границами, и если уж ты родился тут, то ты сам и есть Россия, так что живи хорошо и другим помогай, тогда и все вместе будем жить хорошо и дружно. Так я всегда думала и очень рада, что наш лидер со мной согласен:))))))

Ну вот, это всё хорошо, но самое лучшее было потом. Еще накануне меня тихонько вызвали с лекции, и проводили в оргкомитет, где приветливая тётенька выдала мне пропуск на территорию Кремля, и объяснила, как пройти. Сказала, что это большое везение, потому что из пяти ты-

сяч делегатов форума на приём пригласили только триста, кто лучшие всех себя показал на конкурсах. Они внимательно смотрят на то, кто и как себя проявляет во время занятий и состязаний, и выбирают самых активных. Спасибо, что и меня заметили! (хотя сейчас вспомнила, что мне вроде бы ещё дома сказали, что я на приём приглашена – значит, заранее знали, что я буду лучше других?)

Сам Кремль – это, конечно, полный отпад. Я слышала, что москвичи сами в Кремле не бывают почти никогда, но если бы я жила в Москве, то ходила бы сюда на каждые выходные. Это же центр нашей Родины, здесь столько всего произошло! Я ведь будущий историк, и много читала про царей, великих князей, и всегда мечтала оказаться рядом с ними, особенно в детстве, когда грезила стать принцессой. Ну ладно, хотя бы так к ним прикоснулась – не в одном времени, так в одном месте. Хотя о чем это я – нынешние люди в Кремле не чета каким-то там паршивым великим князьям, потому что их слушают в половине мира, а когда-нибудь (даст Бог, скоро), будут слушать и во второй половине. Всё равно, нужно будет как-то извернуться и напроситься на практику к московским археологам – я знаю, тут целый отдел в местном правительстве выделен для историков. Вот интересно было бы!

Я пришла сильно заранее, чуть ли не за час, и пришлось, уже пройдя за ворота Боровицкой башни, простоять это время в небольшом дворике, огороженном железными тур-

никетами. Уже стемнело, и я начала подмерзать, потому что весна в Москве на редкость холодная и противная (на мне был теплый пуховик, но под ним – только выходное платье, которое я предусмотрительно захватила из дому, и тонкие колготки – я решила, что будет глупо, если я приду в двух колготках, а потом побегу переодеваться и записывать снятое в сумочку). Но потом пришел какой-то веселый парень, и стал нас – а собралась уже приличная толпа, развлекать рассказами об архитектуре Кремля. А вскоре у него запищала рация, и он пригласил всех заходить в подъезд и подниматься наверх. Двери, которые перед нами распахнулись, были такими широкими, что хотя все и постарались поскорее очутиться внутри, никакой давки или очереди не возникло. Мы вошли в огромный холл, украшенный гобеленами и старинными зеркалами, разделись в гардеробе, и поднялись на второй этаж по лестнице, в пролетах которой стояли красивые статуи в венецианском стиле (я поняла, что именно в венецианском, а не например, флорентийском, потому что ходила в кружок для школьников при нашем музее, а сейчас даже иногда веду там занятия). Лестница привела нас в зал, свет в котором был приглушен, но по столам вместо этого были расставлены светильники и даже настоящие свечи, которые таинственно отражались в зеркалах, развешенных между стенными порттьерами, и даже в позолоте хрустальных люстр и потолочной лепнины. Холл был выдержан в голубых тонах, лестница – в жел-

то-коричневых, а стены зала сияли всеми оттенками красного и бордового. Наверное, я слишком подробно и торжественно это описываю, но красота этого великого места произвела на меня сильнейшее впечатление. Красиво жили великие князья, этого не отнимешь:)

В зале стоял в центре большой длинный стол, уставленный фруктами, напитками, и прочими закусками, и ещё несколько столов поменьше, тоже накрытых, стояли отдельно. Стульев не было, то есть, получается, я попала на фуршет, где надо стоять. Так мне нравится даже больше, потому что на таком фуршете можно ходить и общаться с разными людьми, а не сидеть, как приклеенная, рядом с одними и теми же соседями, которые к тому же могут оказаться скучными. Зал был такой большой и высокий, что совершенно не чувствовалось, что в нем собралось триста человек. Все разбрелось по углам, стараясь не шуметь, и не зная, что нужно делать, но тут вышел распорядитель во фраке (!) и даже, кажется с эполетами, и сказал в микрофон, что Президент задерживается на Совете безопасности, просит его извинить и начинать без него, а он присоединится чуть позже. Все немного расслабились и начали подходить к столам, причем почему-то не к большому, а к маленьким, хотя никто вроде бы не запрещал что-то брать с большого. Люди так забавно себя ведут иногда:) Я то сама была внешне спокойна, хотя внутри, если честно, все немного сжималось, но не тревожно, а как бы от радо-

сти – не знаю даже, как правильно это описать.

Я тоже подошла к какому-то столику, взяла яблоко, завязалась беседа. Через пять минут мы уже вовсю хихикали между собой, да и во всем зале стало шумно и весело. Я была удивлена, сколько внимания обращают на меня собеседники, они даже пытались делать мне комплименты, и иногда довольно приятные – видимо, дело было в том, что я оказалась единственной девушкой рядом с этим столом, все остальные были парни и даже пара мужчин постарше. Вообще женщин было на удивление мало – я увидела только на другом конце зала парочку каких-то расфуфыренных девиц, неприлично громко заливающихся хохотом. Это было неприятно – что это они приперлись сюда, в этот кремлёвский дворец, такой важный для нашей страны, а выглядят, прошу прощения, как гулящие девки – в каких-то вечерних платьях с вырезами, с причёсками и открытыми плечами. Такое впечатление, что это не наши студентки-активистки, а просто какие-то залётные «светские львицы». Ну что поделатъ, не все могут справиться со своей бабской сущностью, даже я иногда этим грешу, что уж там:)) Но в этот раз на мне было очень скромное светло-серое шерстяное платье по колено и с простым воротом, а из украшений – только те маленькие золотые часы, которые мне подарил губернатор, когда вручал диплом стипендиата (Господи, наверное создается впечатление, что я только и делаю, что хвастаюсь своими достижениями, как будто резюме пишу!

Обещаю больше этого не делать) Волосы я заплела в простую косу – что тут выдумывать, и так красиво вышло, и в целом вся была такая тихоня. Все же странно, что парни рядом то и дело начинали на меня тайком пялиться. Соком я облилась, что ли? Рассматривали бы лучшие красоты Кремля, вряд ли они тут каждый день бывают!

Ну ладно, всё это было очень мило и весело, но все, конечно, ждали Его. Наконец, уже в десятом часу (я же говорила, что у меня были часы, так что за временем я следила), распорядитель осторожно постучал по микрофону и попросил внимания. Все сразу затихли, и тут откуда ни возьмись заиграл короткий марш, и тут же распахнулись огромные двери в торце зала, и вошел Он – один, как будто двери открылись сами, повинувшись его воле. Все сразу как будто подались к Нему, не сходя с места, и я, конечно, тоже.

Он приблизился к длинному столу, который так и стоял нетронутый, и негромким, но прекрасно слышимым голосом (микрофона он не взял) попросил нас присоединиться к нему. После небольшой неразберихи все оказались у стола (я, к сожалению, слишком далеко от нужного конца) и Он произнес небольшую речь. В этот раз у него не было заготовленного текста, говорил он намного проще, чем на официальных мероприятиях, и это выглядело очень человечно и даже как-то трогательно. Я вся замерла, вслушиваясь в слова. Рядом со мной все возился какой-то толстый паренек, и я шикнула на него, чтобы успокоился и не мешал слушать.

Вот, что он сказал (пишу по памяти):

“Друзья! Нет, не просто друзья, коллеги – еще раз отмечу, что мы с вами именно соратники, коллеги, потому что работаем в общем направлении, развиваем нашу страну, делаем жизнь в ней лучше, а будущее – все ближе. Поэтому не буду повторяться, полагаю, что в этом вопросе у нас с вами полное взаимопонимание. Считаю, что сейчас вам важнее услышать другое. То, для чего вас на самом деле пригласили сюда, в самое сердце нашей державы, и, не ошибусь, если скажу, что в самый центр принятия важнейших решений. Всем собравшимся предстоит в ближайшее время непосредственно включиться в общую систему управления страной. Вы будете допущены к самым высоким государственным секретам и примете на себя ответственность за судьбы наших сограждан. Надеюсь, что мы не ошиблись в вас, нашем кадровом резерве, и вас не напугают никакие сложные, почти невыполнимые задачи...

(не знаю, как другие, а у меня холодок по душе прошел от этих слов).

Поясню. Дело в том, что наша Родина устроена сложнее, чем думают большинство её граждан. Из-за постоянных изменений цивилизационной конъюнктуры, из-за притворно миролюбивых действий западных партнеров, мы должны были придумать новые правила игры. Сделать так, чтобы безопасность и мирная жизнь гражданского населения были надежно защищены от любых угроз. Поэтому еще совет-

скими людьми был создан, а нами значительно модернизирован уникальный дублирующий контур, призванный обеспечить безопасность страны.

Вы знаете, что в последние годы Россия совершила мощный рывок в области вооружений, практически заново возродила научно-технический комплекс, развернула современную военно-промышленную отрасль, в которой трудятся миллионы человек. Знают это и наши «партнеры», и, казуистически пользуясь положениями различных международных договоров, на которые мы бездумно согласились в девяностые, контролируют все наши попытки восстановить глобальный геополитический паритет. Но они не знают того, что сейчас узнаете вы... Кроме мирной, привычной вам России, есть и другая... (тут ВВ. заметно поморщился), нет, Новая Россия, которая до поры скрыта от враждебных взглядов Запада. Это комплекс специальных учреждений и предприятий со своими городами, рабочими, учёными, который незримо раскинулся на просторах нашей необъятной Родины. Фактически, это отдельное внутрироссийское автономное образование, которое, разумеется, полностью интегрировано в общее конституционное и правовое поле страны. И быть гражданином этого «государства внутри государства» крайне почётно. Оно создавалось не стихийно, а конструировалось намеренно для достижения максимальной эффективности и производительности труда, в нём сконцентрированы наилучшие черты общественных и

экономических отношений, включая те, которые были наиболее востребованы при социалистическом строительстве в недавнем прошлом. Представьте себе строителей БАМа или покорителей сибирских рек – вспомните тот энтузиазм и веру в свои силы и счастливое будущее, которые описывают все участники тех событий. Всё это сохранено и приумножено в нашей новой России, изначально заложено в её устройстве. Не скрою, что нам удалось внедрить уникальную национальную идею в самую основу этой структуры. Эта идея – защита мирного Отечества через собственное процветание. Люди, которые работают в Новой России на благо всей остальной страны, точно знают, что их плодотворный труд направлен на защиту не только своих семей, но и всех сограждан всей Большой России, и именно это они с детства расценивают как высший смысл своей жизни. Уверен, что в течение следующих шести – десяти лет эта идея естественным образом станет преобладающей и для всех остальных слоев населения страны.

Новая Россия – буду называть её так, хотя есть и официальное, созвучное название всего проекта – «Новая Земля-84», является, помимо прочего, полигоном для отработки политических и модернизационных стратегий правительства. Благодаря этому, уже сейчас в ней достигнуты доселе невиданные темпы экономического роста. Например, в прошлом году подушевой ВВП, рассчитанный для этих специальных категорий населения составил более 46 тысяч дол-

ларов США, в то время как в среднем по стране – чуть менее 28 тысяч... Но основной смысл существования этой России не в экономике, а в том, что она является инструментом мощнейшего оборонно-промышленного развития. Системы вооружений и защиты, разработанные специалистами специальных технических отраслей Новой России, без всякого преувеличения, поражают воображения – и это при том, что они существуют параллельно и независимо от хорошо всем известных и полностью боеготовых ВКС, РВСН, ВМФ и сухопутных сил страны. Само существование неподконтрольного и неизвестного западным партнером компонента стратегического воздействия является сильнейшим козырем нашей международной политики, который до поры скрыт от враждебных глаз, но в самое ближайшее время вернет нашей Родине лидирующее положение в мире.

Вы спросите, где она, эта невидимая, волшебная Россия? На Севере, в Сибири, на Урале, в Крыму – везде. Везде есть живая частичка Новой России. Но повторю еще раз: Россия – это всегда вы, её граждане. Подумайте об этом. С сегодняшнего дня каждый из вас станет частью Новой России, получит соответствующие назначения, должностные инструкции, и, надеюсь, активно включится в общую работу. Поэтому прошу поднять эти бокалы (он взял со стола узкий фужер с вином) за нашу будущее, за Новую Россию!”

Все закричали «Ура!», и я тоже, хотя заметила, что у некоторых на лицах во время речи Президента появилось

недоумённое или даже испуганное выражение. Конечно, я и сама была ошарашена. Признаться, из сказанного я многого не поняла. Может быть, позже объяснят поподробнее? От волнения я отхлебнула шампанского, которое взяла со стола и сморщилась – не люблю вино, да и вообще алкоголь. Я заметила, что и сам ВВ только постоял с фужером в поднятой руке, символически поднес его к губам, и тут же поставил обратно – вот какой молодец, тоже это дело не любит:)

Распорядитель снова взял микрофон и сказал, что официальная часть закончена, можно переходить к свободному общению. И что он просит всех присутствующих после мероприятия не расходиться, а подойти к столику в углу (за которым только сейчас появилась тётка) и расписаться в каких-то документах. Часть народа сразу потянулась к этому столику, но большинство, конечно окружило ВВ и стало засыпать его вопросами, на которые он отвечал с мягкой улыбкой. Я, конечно, опять опоздала и встала рядом с ним, но сбоку, так что никак не получалось попасть ему на глаза. Интересно было, вспомнит ли он меня?..

Вблизи он выглядел снова немного не так, как во время нашей первой встречи – как будто стал старше (хотя все и так знают, что он немолод), но, напротив, выше и как бы мощнее – наверно, мне так показалось, потому что раньше я его видела сидящим. Я была в сапожках с каблучками, правда, небольшими, и всё равно была лишь чуть-чуть его

выше. И тут случилось чудо: он повернулся, и сам шагнул ко мне!

“Здравствуйте, Надя, рад видеть и вас здесь”, – я только ахнула в ответ в том смысле, что надо же, меня помнят:) Он понял и пояснил: “Такую, как вы, сложно не приметить... Впрочем, вы знаете, что в моей памяти навсегда остаются люди, с которыми довелось встречаться. Это профессиональное”. Ужас, как приятно было! А он продолжает “У моего помощника, где он... Ах, вот он, Антон Эдуардович, подойдите, пожалуйста, – так вот, у нас с ним как раз есть для вас поручение по вашему региону (для меня? ПОРУЧЕНИЕ?) Вас не затруднит немножко подождать, пока мы с коллегами закончим беседу? Отлично, тогда, Антон Эдуардович, пожалуйста, побудьте с Надеждой, и никуда её не отпускайте” – и улыбается, как родной, а я и сама в ответ просто расплываюсь:)

Все ребята вокруг смотрят на меня, как на принцессу какую-то, глаза у всех по полтиннику, а Антон Эдуардович, такой важный, с кожаной папочкой, подошёл и говорит «Пойдемте, Надежда Сергеевна, я вам покажу, где подождать, только давайте сначала распишемся с остальными» – и подводит меня к тетеньке за столиком. Тетя говорит: та-ак, Соловьёва Эн-Эс, видела ваш бланк, где он... И так потешно очки приподнимает из-за дальновзоркости, прямо как моя мама. Подает мне листочек, там написано: я, такая-то, обязуюсь не разглашать... ой, а получается,

я же только что всё разгласила, что услышала! Вот прямо сейчас дошло. Ладно, надеюсь, не страшно – у меня дневник закрытый от всех-всех-всех, а потом сотру всё ненужное, да?

Я так долго всё описываю, потому что мне немного страшно переходить к последней части, то есть самому важному, что со мной случилось в этот вечер. Не могу понять, что меня напугало, но если честно, на душе до сих пор как-то тревожно, хотя и очень хочется, чтобы всё продолжалось дальше. Надо записать всё по порядку и поподробнее, тогда смогу сама разобраться.

Ну хорошо, А.Э. отвёл меня в небольшой коридорчик, открыл ключом на здоровенной связке дверь, и впустил в комнату. Тут уже никакого барокко не было – обычная офисная комнатка, типа приёмной в нашем ректорате, только поуютнее: торшер горит, диван, большущий аквариум с рыбками (я их люблю), телевизор на полстены показывает какой-то зарубежный канал без звука, новости, кажется. АЭ. на меня посмотрел со значением, но как бы недовольно (видно, ему неприятно было, что из-за какой-то студентки его от важных дел отрывают), предложил подождать на диване, а сам сел на стул в углу и уткнулся в свою папку с бумагами. Так и сидели, молчали – он читал с нахмуренным лбом, а я рыбок разглядывала и всё думала, зачем же меня позвали. Даже накрутила себя: может, провинилась чем-то, хотя что же такого я могла натворить, что сам Пре-

зидент мне захотел высказать? Хорошо, недолго пришлось мучаться: прошло десять минут, я только начала успокаиваться, и вот – снова ОН и всю меня опять разбудоражил.

По сравнению с хмурым АЭ., ВВ смотрелся совсем мило и приветливо, как папа прямо) Мы с Антоном этим дружно вскочили, но ВВ попросил всех сесть, а АЭ не уходить и поприсутствовать при разговоре. Сам тоже устроился на простом стуле напротив меня, и получилось, что я чуть ли не развалилась на диване, а они с прямыми спинами сидят и на меня смотрят:) Сейчас смешно, а там я тут же вытянулась, руки на коленях, как у первоклассницы и гляжу в пол. “Здравствуйте, говорю, Владимир Владимирович!” Как дуручка, честное слово – только что виделась!

“Не буду вас спрашивать, Надя, – говорит, – как вы добрались, и нравится ли вам у нас в гостях – и так вижу, что всё хорошо” – я закивала. “Час уже поздний, поэтому постараюсь вас долго не задерживать и перейду сразу к делу”. Тут я набралась смелости и заявила: “Нет-нет, говорю, Владимир Владимирович, для меня большая радость с вами говорить и вообще быть рядом, так что задерживайте меня сколько хотите”.

Он смеется: “Вы, Надя, меня смущаете, хотя вижу, что в вас не ошибся. Вообще было очень приятно встретить именно вас во время той поездки”. Я спросила почему. “Видите ли, мне довольно тяжело бывать в вашем городе. Хотя, наверное, и не стоит в этом признаваться. Чувствую ещё с

давних пор вину перед его жителями, из-за той самой подлодки. Помните?” – я кивнула, хотя, честно говоря, во времена «той подлодки» ещё только в ясли ходила и, конечно, ничего не помню, кроме того, что трагедия была страшная, и все об этом только и говорили. А он продолжает: “Вот ведь сколько лет прошло, но по-прежнему ощущаю свою особую ответственность перед населением вашего прекрасного региона. И иногда даже кажется, что на меня там смотрят куда как внимательнее, чем в других городах. От этого не по себе”. Вот он какой, оказывается!

“Так что очень здорово, что нам посчастливилось встретиться именно с вами. Теперь понятно, что молодежь, по крайней мере, нас поддерживает в вашем городе... Но главное, что у меня есть возможность на вас положиться и попросить об одном одолжении.” Я села ещё прямее, всем видом выражая готовность сделать всё, что угодно.

“Как вы наверняка догадываетесь, Наденька, сейчас, после выборов, в стране будут важные изменения. Для этого нужно укрепить власть на местах, в том числе, и в вашем родном крае. Ваш губернатор – молодец, он много сделал для региона и для страны, но настало время дать дорогу новому поколению. Нет, не пугайтесь, речь не идет о вас (у меня в тот момент действительно округлились глаза), есть на примете не менее достойный кандидат. Но вам тоже надо развивать себя и потихоньку двигаться вверх. Например, поработать в администрации будущего областного прави-

тельства в качестве нашего, так скажем, представителя. Чувствуете ли вы себя готовой к такой работе?"

Еще бы! Конечно! Что за счастье:) Я только собиралась на него это вывалить и ещё, может быть, немножко попрыгать на диване от радости (шучу), как этот несносный АЭ, который во время беседы всеми силами изображал беспокойство, промямлил: "Владимир Владимирович..." и постучал по часам на руке (большие, золотые, кажется). Президент кивнул ему, и сказал мне с сожалением:

"Впрочем, не хочу торопить вас с ответом. Подумайте спокойно. Очень жаль, что сейчас приходится прощаться — нам надо многое обсудить... Как же быть?"

Подумал и сам ответил:

"Так. Поступим следующим образом... Вы в какой гостинице остановились? Или у знакомых?"

"В гостинице... Времена и свобода".

"Что за странное название. Где это? Неважно. Вы сможете задержаться на несколько дней в Москве? Завтра вас заберут и поселят в загородном отеле администрации президента. Это горки (какие еще «горки», подумала я), там лес, красиво, речка близко... Хотя сейчас же зима, всё замерзло. Ну нестрашно. Всё равно там хорошо. Воспринимайте это как скромный подарок к завтрашнему Женскому дню. Там мы сможем ещё раз встретиться и поговорить. К тому же, если не ошибаюсь, сейчас там проходит тренинг для кадрового резерва по кризисному менеджменту. Если хо-

тите, я попрошу, чтобы вас туда устроили, будет интересно. Согласны?”

Мне очень хотелось согласиться, но почему-то стало страшно, и я спросила: “А как же мой университет, да и родителей надо предупредить? Не могу же я вот так пропасть и занятия пропускать...” “Не переживайте, родителям позвоните, а с университетом проблем не будет. Обещаю. Договорились? Вот и хорошо. Антон Эдуардович, организуйте всё, пожалуйста, и пойдёмте уже скорее, нас ждут. До встречи, Надежда... хм, Сергеевна” – улыбнулся мне на прощание, и вышел.

А.Э. поманил меня за собой и запер комнату той же связкой. Мы втроем прошли до конца коридора – там меня оставили рядом с охранником, который выглядел, как настоящий гвардеец, а сами удалились куда-то вглубь здания. Охранник вежливо попросил меня подождать, позвонил кому-то по телефону – с диском и трубкой, я такие только в детстве у бабушки видела! – и через несколько минут появился другой человек, в штатском, принёс мой пуховик и вывел меня на улицу. А там, оказывается, ждала машина, а перед ней еще полиция с работающей мигалкой. Вот это да! Мой спутник распахнул дверцу, попрощался, и я осталась одна с водителем, который тоже поздоровался (очень они все вежливые), но в дальнейшем не сказал ни слова. Жаль, что поездкой долго наслаждаться не пришлось – буквально через пять минут меня высадили у моей гостиницы. Чело-

век на стойке, который всё видел, смотрел на меня круглыми глазами, ещё бы – доставили меня как настоящую королеву!:)

Сейчас уже почти утро, надо заканчивать и ложиться спать. Но я не могу решить – соглашаться или нет на предложение В.В. То есть на работу без вопросов, а вот ехать ли завтра в это другое место? Он говорит, там хорошо, но я очень беспокоюсь, что подумают родители и как я потом буду навёрстывать занятия в универе.

Ой, да что я вру! Я втемяшила себе в голову, что понравилась ВВ – ну, как девушка, и он меня заманивает в свои сети. Это просто глупость какая-то, и мне за себя стыдно. Кто ты, и кто он? Конечно, ты (то есть тьфу, я) не отказалась бы, но зачем выдумывать всякий бред? Как это вообще могло прийти в мою рассудительную голову? Это же Президент, а не какой-то ухажёр из подворотни, у него одна страсть – Россия! Так что выкидывай-ка всё это из головы, милуша, и подумай спокойно. Ты боишься его? Нет, он хороший, и никогда не сделает ничего плохого. Ты боишься своего будущего, работая у него? Пожалуй, что да. Хорошо, бойся на здоровье, но стоит ли из-за этого отказываться от выпавшего тебе шанса? Конечно, нет!

Вот и умница, все по полочкам разложила, и сама разобралась. Конечно, хорошо бы всё это обсудить с родителями... Нет, они не поймут, лучше – с Максом! Так и сделаю – позвоню ему прямо как проснусь, сейчас же он дрыхнет как

суслик, я его знаю... Все, теперь самой спать. Пока, Дневничок, и до скорых встреч! Жизнь становится все чудеснее и удивительнее!:)

19 марта

Жизнь становится всё дерьмовее. Надежда пропала ещё две недели назад, почти сразу после приезда в проклятую Москву. А я, осёл, только сейчас сообразил броситься ей вслед, как паршивый Дон Кихот за своей Дульсинеей. Шикарный план: приехать в столицу и найти Надю. Нормально? И вот, пожалуйста: денег нет, жить негде, что делать – неясно, и вообще непонятно, за каким чёртом я сюда приперся. Где и как ее искать в этом муравейнике, и, самое главное, нужно ли ее спасать вообще? Или она тут наслаждается жизнью в свое удовольствие, а я веду себя как перепуганный идиот? То есть идиот-то я в любом случае, но, очевидно, ещё и дурак при этом...

Так я ругал себя, сидя в неожиданно дорогом (денег было не жалко только на чай) фастфуде где-то в районе Лубянки, а может, и не Лубянки – изучить географию столицы у меня времени не было. Ситуация была паршивой, а главное – глупой. Исчезнув в начале марта, Надя позвонила домой всего дважды – один раз родителям, сообщила о том, что добралась, а в позапрошлый вторник – мне. Поговорили дай бог минуту. Сказала мне, что очень занята, а в остальном все хорошо. После этого пропала окончательно – телефон отключен, сама не перезванивает. Еще через несколько дней – в прошлый понедельник, то есть ровно неделю назад, родите-

лям доставили заказную телеграмму, вот она, у меня в кармане: «СООБЩАЕМ ВАША ДОЧЬ СОЛОВЬЕВА НС ЗАЧИСЛЕНА НА СТАЖИРОВКУ ДЕПАРТАМЕНТА МОЛОДЕЖНЫХ ПРОГРАММ АП ПРИКОМАНДИРОВАНА ОТРЯДУ N 10». Что за отряд, непонятно, но “АП” – это, надо думать, Администрация президента, раз она туда с самого начала намылилась. Родителей это успокоило, но вообще, по-моему, свинство – не могла сама позвонить и рассказать по-человечески? Ну хорошо, пошёл в университет. Там ясности не добавилось – им тоже никто ничего не объяснял, но у них есть такая же телеграмма, только слово “дочь” заменено на “обучаемая”. Обучаемая! Кто их там только русскому языку учил, олигофренов!

Ладно папа с мамой, божьи люди. Им бумажку прислали, они и расслабились. Но почему она ничего не сказала заранее? Не выбрала даже минуты, чтобы написать сообщение? Я знаю Надю всю её недолгую жизнь. И всегда она была где-то рядом – так, что я её видел, или слышал, или просто знал, что с ней всё в порядке. Мы встречались сначала во дворе, потом в школе между уроками, потом уже созванивались – даже когда телефоны стояли только дома. Каждый день, без исключений. И поэтому я не могу поверить, никак не могу заставить себя поверить в то, что ничего не случилось. Она слишком, чересчур ответственная в этих вопросах и никогда не заставит других людей переживать из-за себя. И вот ещё что. В мою бытность в добровольной дружине следопы-

тов-спасателей, нам сказали сразу: если человек пропал, то найти его надо в тот же день. Три дня – критичный срок, после этого никаких надежд уже нет. А тут полторы недели ни духу, ни слуху, и никто, кроме меня, дурака, по этому поводу не парится!

Ладно. Можно сказать, что и это ещё не повод переживать. Есть же телеграмма, в конце концов. По ней я, наивный, и рассчитывал найти эту горемыку. На телеграмме указан адрес отправителя: Старая площадь, д. 8/5 стр. 1. Утром, как только сошел с поезда, сразу поехал по этому адресу. Думал, узнаю у них, куда дальше обращаться, или, на худой конец, просто устрою скандал. Какой там! Приехал, на двери действительно вывеска “Администрация Президента Российской Федерации”, все с большой буквы, чёрт бы их побрал, а за дверью будка с охраной, так что пустили меня только в справочное окошко. Там сидит безупречно вышколенная сука: рассмотрела телеграмму на отлёте, сказала, что, к сожалению, о существовании департамента молодёжных программ ей неизвестно, нет такого департамента у них тут, а кто такая Надежда Соловьёва, она тем более не знает. А знала бы – не сказала, потому что разглашение персональных данных. Я ей талдычу: человек пропал, что делать-то, куда идти с этой телеграммой несчастной, а она на полном серьёзе предлагает мне обратиться с письменным заявлением, которое, в соответствии с Федеральным, мать его, законом «О работе с обращениями граждан», рассмотрят не позднее, чем

за тридцать дней, и дадут мне официальный ответ по почте. Стерва очкастая. А меня ещё спрашивают, почему, дескать, я не люблю власть и всю ту сволочь, которая сверху налипла...

Что же делать? По всему выходит, что департамент фальшивый и Надя где-то в другом месте. Разворачиваться с оскорбленным видом и валить в родную провинцию? Ну уж дудки, слишком всё это подозрительно воняет... Ну, Надька! Найду – хвост надеру, заречется быть такой эгоисткой. Она у нас в последнее время вся такая самостоятельная и независимая, что даже меня умудрилась в этом убедить. А я и рад...

Я уже собирался пуститься по второму кругу в череде внутренних упреков, но, к счастью, печальные размышления прервал тренькнувший телефон. Вздрогнув от неожиданности, я уставился на номер с некоторой опаской – никаких звонков я не ждал. Сплошные восьмерки и нули, чёрт разберет, кто там.

– Да!

– Максим Анатольевич? – бесстрастно осведомился гнусавый голос.

– Да!

– Пушков Александр Сергеевич беспокоит. Майор федеральной службы охраны. Я должен задать вам несколько вопросов. Готовы?

– Слушаю, – настороженно ответил я, размышляя, за ка-

ким хреном я понадобился службистам.

– Вы знакомы с Соловьёвой Надеждой Сергеевной?

– Знаком. А в чем, собственно...

– Когда вы её видели в последний раз?

– А какое вам дело? – по привычке заерепенился я, но сердце моё упало. Я был уверен, что следующей фразой услышу: «Вам требуется прибыть на опознание...»

– Минуточку, Максим Анатольевич. Не отключайте телефон. С вами будет говорить мой руководитель. Я перевожу вас на защищённую линию. После окончания разговора вам может потребоваться выключить, и снова включить ваше устройство для восстановления его функций. Как поняли?

– Эй, подождите!.. – но в трубке уже послышался резкий писк, а потом заиграла неразборчивая мелодия, которую обычно проигрывают, чтобы вы не скучали, пытаясь дозвониться до какого-нибудь банка. Попиликав полминуты, музыка прервалась оглушительным треском, и совсем другой голос – нечеловеческий из-за наложенных искажений, буркнул:

– Маааксим?..

– Допустим.

– Эта Соловьёва – твоя невеста?

– Она мне не невеста. А вы кто ещё такой?

– Как не невеста? – проигнорировал вопрос неприятный собеседник. – А что они мне тут понаписали? А?

– Понятия не имею, что вам там понаписали, но вы что-то не представились. И что с Надей?

– Ты, Максим, слушай меня внимательно и не перебивай. Зовут меня Игорь Иванович, а остальные вопросы попридержи. Есть?

Я ничего не придумал в ответ и промолчал.

– У Соловьёвой твоей проблемы. И ты мне нужен, чтобы их порешать. В данный момент могу сказать, что она попала, скажем так, в нехорошую компанию. Мы знаем, где она, но по некоторым причинам, о которых тебе знать не положено, достать её оттуда не можем. Но это сможешь сделать ты, во всяком случае, мои эксперты так считают. Хотя какие они к херам эксперты, если не могут разобраться, кто чья невеста!

– Она жива хоть?

– Я сказал, не перебивай. Жива, но в неприятном положении. Да не! Не в том положении, о котором ты подумал, а просто в сложном положении... Если ты будешь меня слушаться и делать, что я говорю, то скоро её увидишь. Всё ясно?

Я хорошенько подумал. Ничего не было ясно.

– Послушайте, как вас... Игорь Иванович? Мне ясно, что вы всё врете. Вы просто похитили Надю и теперь пытаетесь шантажом заставить меня принять участие в каких-то противоправных действиях. Так ведь?

– Что-о?!.

– Так имейте в виду, что меня это не смущает. Только не

врите. Говорите прямо, что надо сделать, а я подумаю. Но имейте в виду: если вы причините ей какой-то вред...

– Да заткнись ты уже! Если ты собираешься всё время пиздеть вместо того, чтобы дело делать, мы с тобой точно не сработаемся. Ты хоть в курсе, что время разговора по защищенной линии ограничено? Нет? Ну так слушай... Если хочешь знать, мне твоя Надежда нахуй не нужна. И «причинять вред» я буду тем людям, которые её у себя держат. И которые хотят причинить вред ей. Это доступно?

Теперь я все-таки предпочел замолкнуть.

– Вот и лады, будем считать, что договорились. Теперь запоминай внимательно, два раза повторять не буду. Насколько я вижу... ты сейчас в какой-то тошниловке на Большом Черкасском. Значит, сейчас заканчиваем разговор – тебе говорили, что надо будет телефон заново включить? Не делай этого, и вообще ничего не трогай. Выходишь из кафе, направо пятнадцать метров, на противоположной стороне улицы припаркован серый «Форд». Двери не заперты. Открываешь заднюю, забираешь другой телефон. Свой оставь на сиденье, мы его покатаем, это даст тебе время. Дверь в машину захлопнуть не забудь. Как понял? Можешь просто кивнуть, я тебя вижу.

Я покрутил головой, озираясь. Кивнул.

– Не надейся, не увидишь. Далее. Забрал наш телефон, строго пешком идешь в том же направлении до ближайшего перекрестка, там налево. Улица называется «Маросейка».

По ней двигаешься до Курского вокзала. Не бойся, не промахнешься, у нас тут в Москве куда ни иди, все равно окажешься на вокзале. В метро не заходи, там камеры. Кивни.

– На вокзале покупаешь билет на электричку до остановки «Ногинск». Далее особо внимательно. Рядом со станцией автовокзал. Там автобус 24. Ходит редко, подождёшь. Едешь до остановки «АБЗ». А-бэ-зэ, запомнил? Сразу за остановкой лесная дорога. По дороге восемьсот метров, будут ворота и перед ними тропинка направо. По тропинке четыреста метров, там гараж типа сарай. Дверь будет открыта. Внутри дальнейшие инструкции и экипировка. Всё ясно? Деньги есть? Можешь говорить.

– На билет хватит... А вы не собираетесь мне толком объяснить, что происходит? Сарай в лесу – это, знаете ли, как-то... небезопасно. Если бы я понимал, в чем дело, то действовал бы более уверенно, нет?

– Так, давай не будет начинать ссать в самом начале истории. Никаких гарантий не будет. Единственное, что могу обещать, так это то, что сейчас тебе лично ничего не угрожает. Чужого наблюдения за тобой пока не вижу, и я уж постараюсь сделать так, чтобы его не было как можно дольше. И пойми, ты мне нужен только потому, что сам я в эту историю по своему рангу и положению влезать не должен. Не мой уровень и не моя зона компетенций. А вот если ты сам, так сказать, по собственной инициативе... Короче, я тебя уговаривать, как маленького, не буду. Только ты имей в виду,

Максим, что если бы мне вздумалось от тебя избавиться, ты бы сейчас в этой сраной кафешке не сидел. И никто бы ничего не заметил, уж поверь. Так что в лес тебя заманивать из-за такой ерунды, это, сам понимаешь... Не знаю, насколько я тебя успокоил, но надеюсь, что ты сейчас прекратишь строить целку и возьмешься за дело. Лады?

Я снова кивнул.

– Все, действуй. Да! Пока будешь идти до вокзала, зайди в парикмахерскую, подстригись покороче, да побрейся, бляха-муха! Для конспирации. Это приказ. А то смотреть на тебя стра...

Звук оборвался на полуслове, словно невидимый провод, соединявший меня с таинственным собеседником, перерубила лопата незадачливого землекопа. Я отнял трубку от уха и посмотрел на безжизненно темный экран. Телефон был выключен. Вероятно, вид у меня был ошарашенный, потому что официант, с сомнением наблюдавший за мной, подошел и спросил, хочу ли я чего-то ещё – на их языке это означает предложение расплатиться и выметаться. Я попросил воды и попытался собрать разбегающиеся мысли в кучу.

Я отнюдь не трус, но скажу без утайки, что Игорь Иванович заставил меня здорово разнервничаться. Ясно, что с Надей беда. Ясно, что надо её спасать и, кажется, мне готовы помочь в этом – ну или заманить в ловушку и убить, с равной вероятностью. Самое пугающее в только что произошедшем разговоре было то, что сыгран он был на уровне наспех на-

писанного диалога из дешёвого бандитского сериала. Глупо отказываться, когда предлагают помощь, но почему в такой гротескной форме?..

Пришёл официант, опасливо поставил стакан воды на краешек стола, и глядя в сторону, сообщил, что меня просят к телефону. Я было привстал, чтобы подойти к аппарату, но, оказывается, он принес радиотрубку.

– Максим Анатольевич, снова Пушкин на проводе. Примите телефонограмму, – квакнул телефон.

– Давайте, – вздохнул я.

– Так, где тут она у меня... А, вот. Зачитываю: «Не тупи». Как поняли, повторите.

– Не тупи, – машинально повторил я, чувствуя, что последовать этому совету (приказу?) будет трудновато.

– Все верно. Желаю успехов.

Что за бред!.. С другой стороны, шло бы оно все к чертям свинячьим, и будь что будет. Надьку надо выручать, а по ходу дела разберемся, что к чему.

– Можно вас рассчитать? – нервно спросил официант.

– Можно Глашку за подтяжку, – огрызнулся я, кстати вспомнив свою военную кафедру. Не люблю, когда мне так прозрачно указывают на выход.

Непроизвольно озираясь по сторонам, я покинул кафе и перешел дорогу. Машина стояла там, где и было обещано – в самом неполюженном месте, прямо под запрещающим знаком. Внутри никого не было. Еще раз оглядевшись и одернув

себя – это наверняка смотрелось со стороны подозрительно, – я тихонько приоткрыл дверь и осмотрел салон. На заднем диване лежал небольшой матовый предмет – коробочка размером с обычный телефон, только толще. На грани, обращённой кверху, чернела одинокая кнопка. Я взял коробочку и бесстрашно потыкал клавишу: уж не знаю, чего я ожидал, но ничего особенного не произошло: трубка не подавала признаков жизни. Пожав плечами, я засунул ее в карман и собрался идти прочь от машины, но в последний момент спохватился, и, подавив приступ скупого сожаления, бросил на сиденье свой старый телефон. Удаляясь от автомобиля, я запоздало подумал, что надо было позвонить кому-нибудь, предупредить... А, что уж теперь, снявши девушку, по деньгам не плачут.

Где находится Курский вокзал, я смутно представлял – именно на нём я сошел с поезда сегодня утром.

* * *

В электричке было угнетающе жарко, несмотря на весенний холод снаружи. Очевидно, источником духоты было невероятное количество тел, плотно заполнивших всё пространство вагона. Я привык к тому, что электричка – это транспорт простых и слегка агрессивных парней с заводских окраин, но здесь налицо был социальный прогресс: пассажиры, тесно облепившие сиденья и проходы, были скорее похожи на обычных клерков с пустыми глазами, погружив-

шихся в вызывающе дорогие телефоны. Цвета в одежде преобладали тёмные, серые. Слегка разбавляла эту однообразную конторскую массу только дюжина южных гостей в аляповатых замызганных спецовках. Стоял страшный шум: через толпу, распахивая граждан потёртым баяном и клянча деньги, пробивались неопрятные скоморохи в ушанках, распеваяющие конъюнктурные куплеты дебильно-политического содержания:

К Ленке я своей лечу,
Только одного хочу:
Совершить с Еленой я
Акт волеизъявления!

Не дает жена никак –
«Знаю, дрочишь на Собчак!
А хочешь мои груди, н-на!
Выбирай Грудинина!»

Ну и так далее. Тухлый товар, подумал я. Со вчерашнего дня можно было бы придумать что-нибудь поновее, а сегодня всё уже кончено... Чёрт, даже не знаю результатов – а впрочем, разве можно мечтать, чтобы хоть что-то изменилось?

Непроизвольно я засмотрелся на неуместно романтическую сцену, разыгрывающуюся прямо в центре этого бед-

лама: совсем юная парочка, студенты, наверное, а может, и школьники даже, не обращая ни малейшего внимания на неприязненно кривящиеся лица окружающих, бурно и развязно обменивались поцелуями. Я не разделял порицательного ханжества окружающей публики: счастливы люди, и слава богу. Но, глядя на эту простодушную любовь в переполненном вагоне, я и сам внезапно вспомнил тот день, когда впервые почувствовал, что Надя, по следам которой теперь везла меня электричка, вдруг стала для меня чем-то большим, чем просто подругой детства.

Это случилось очень давно, года четыре назад, или даже больше, в начале осени, случившейся тогда необычайно теплой, если не сказать – знойной. Точно, это было 1 сентября, потому что накануне Надя позвонила мне и долго упрашивала принести ей букет цветов на линейку к школе – сама забыла купить заранее. Я дал себя поуготоваривать и, в конце концов, согласился – всё равно тащиться на учебу в первый же день после долгих каникул у меня не было никакого желания. Так что ломался я больше для виду, чтобы она не слишком задавалась.

На линейку я безбожно опоздал – проспал, а затем выискивал букет подешевле по окрестным лавкам – денег у меня, тогда второкурсника, было кот на кашлял. Когда я появился у школы, все уже разошлись по классам. Нерешительно покрутившись у входа, я собрался уже уходить, как вдруг заметил свою подружку, спрятавшуюся в тени большого ку-

ста сирени – и оттого почти невидимую на фоне солнечного двора. Это сейчас Надя стала такой, что глазам больно смотреть, а тогда она была совсем неуклюжей, угловатой пацанкой с исцарапанными после летних приключений коленками. Из-за жары на ней было совсем простое, не праздничное платье в крупный горох, нос облупился от загара, волосы, заплетенные в небрежный хвост, выгорели на концах, и из-за всего этого смотрелась она на несколько сельский манер. Она глядела куда-то вдаль, и поэтому не сразу заметила меня, а увидев, даже не стала ругать. Деловито сообщила, что чуть не померла от скуки на утреннике, и что на счастье он завершился быстро, и совсем незапланированным образом: одна из ее одноклассниц, неистовая татарка Эльвира, сцепилась до крови с неким Вадиком. Последний, оказывается, так всех достал своей идиотической приставучестью, что все только обрадовались, когда его отправили на скорой прямиком в травмпункт с “огромным кулем льда на бубенцах”. Так уж наша Надежда выражалась в те времена.

Взяла букет, обнюхала, спросила: «Ты не обидишься, если я его выкину? Неохота с этим венником таскаться весь день». Потом пригляделась внимательнее, и радостно вытянула из пучка один цветок (я в них не разбираюсь). Стала совать мне его под нос и хвастаться, что нашла цветик-семицветик: у этих растений, дескать, всегда по пять лепестков, а у этого аж семь, и если такой найдёшь, то обязательно будешь счастливой, и желание исполнится. Я спросил, что за желание, но

она посмотрела на меня, как на больного, и сказала, что даже последний дурак знает, что желания вслух говорить нельзя – а то не сбудется! После чего, зажмурившись, героически съела несчастное растение, морщась от горечи и отплёвыва-
ясь. То ли на полном серьёзе верила в эти сказки, то ли меня рассмешить хотела...

Потом схватила меня за рукав и потащила в сторону от школы и наших домов. Выяснилось, что после болезненно-го инцидента с Вадиком всех малолеток загнали на урок, а старших распустили по домам, потому что до этого предпо-
лагалось, что они должны были рассестись по автобусам и катить к памятнику Ленину на центральной площади – что-
бы принять участие в очередной воспитательно-патриотиче-
ской тягомотине. Но потом что-то пошло не так, и поездка накрылась медным тазом. Поэтому Наде скучно, домой она не хочет, а желает, чтобы я её развлекал. У меня были кое-
какие планы, да и не горел я желанием гулять по жаре после вчерашней шумной студенческой ночи, но сопротивляться сил тоже не было, и я, как последний конформист, подда-
лся на её уговоры. Повёл её в парк, где мы и раньше гуляли, потом глубже в лес. Помню, за нами увязалась беременная кошка – эти твари становятся жутко прилипчивыми, нахо-
дясь в положении – так и льнут к первому встречному. Бед-
ная Надя чуть не плакала, наглаживая уши трущегося о её ноги животного, и все умоляла меня забрать кису с собой. Еле оттащил её от кошки – та, когда мы дошли до густых про-

хладных зарослей, разочаровано мяукнула, и дальше с нами не пошла.

Я вёл Надю в тенистую гущу леса – там было чудное (для детей, конечно, какими, в сущности, мы тогда ещё являлись) местечко – какие-то старые толстые трубы, перекинутые через овраг, так что на них можно было забраться, и болтать ногами над десятиметровой пропастью. Я совсем забыл, что Надя боится высоты – после той давней травмы, – но она отважно вскарабкалась на трубу, не отставая на меня ни на шаг, а когда я расположился на нагретом солнцем металлическом боку, бесстрашно опустилась рядом, подсунув под себя юбку. Так мы и сидели, разговаривая. Сначала о всякой ерунде, но потом вдруг, продемонстрировав совершенно младенческую непосредственность, Надя огорошила меня вопросом:

– Слушай, а у тебя с твоей бурёнкой уже что-то было? – «буренкой» она называла девушку, с которой я в то время гулял, и не потому, что та была корпулентной или внешне напоминала корову, – а потому, что считала её тупой – и в глубине души я был с ней согласен.

– В смысле – «было»?

– Не строй из себя мальчика-зайчика. Сам знаешь – тычинки в пестики, всё такое. Так было или нет?

– Надька, ты дура что ли? Нельзя про такое спрашивать...

– Почему? Хочу и спрашиваю. Раз боишься отвечать, значит, и тут похвастаться нечем, а?

– Ну, было, – мрачно сказал я.

– Ну и дурак... – разочаровано протянула она. – Понравилось хоть?

– Мне да, а ей – не знаю, – честно признался я. – Ничего особенного, короче.

Про «ничего особенного» было, разумеется, бесовское враньё, но что я буду – школьнице порнографические истории рассказывать?

– И совсем даже неудивительно, – мстительно заявила она. – Мне бы с тобой тоже не понравилось!

– Фу, Надя!.. Не переживай, я на тебе жениться не собираюсь.

– Ой ли? А на своей дурынде собираешься, что ли?

– Сама ты дурында. А она нормальная, в отличие от тебя!

– Три раза ха-ха. Ты имей, кстати, в виду, что я от жалости к тебе подохну, если тебя угораздит выскочить замуж... то есть, тьфу, жениться на этой коровище. Вот не вру! Хотя тебе полезно было бы – помучайся полжизни с такой, глядишь, и хватило бы ума разобраться, кто тут нормальная, а кто нет.

– Да ты сумасшедшая!..

В общем, все шло как обычно – беседы наши проходили почти всегда в похожем ключе. Не проходило и двух дней, чтобы мы не перессорились и заново не помирились. В тот раз дело тоже шло к несомненной перебранке, но тут в наш разговор вмешался слепой случай в виде трёх великовозрастных балбесов, вышедших на край оврага из кустов. Они, не торопясь, подошли к краю трубы, на которой мы сиде-

ли, и стали недобро на нас пялиться. Мы замолчали. Отступать было некуда – на другом берегу оврага трубы уходили в отвесную земляную стену, не вскарабкаешься. Надо было брать инициативу в свои руки.

– Чего уставились? – сердито спросил я. Гопники, разобравшись, что в данной ситуации прелюдии ни к чему, сразу перешли к делу:

– Есть деньги?

– Есть.

Они, видимо, не ожидали, что переговоры завершатся так быстро:

– Ну иди сюда, показывай.

Я, вздохнув, поднялся, и, держа равновесие, потопал по тропе к этим несчастным оболтусам. Надя тоже не захотела оставаться на месте: стащив туфли и ухватив меня за плечо, она шлёпала босыми ногами следом. Откровенно говоря, я не чувствовал себя в слишком хорошей форме для того, чтобы размахивать кулаками, но ещё меньше желания было разводить всю эту понятийную демагогию и пытаться решить все миром. Самой драки я не боялся совершенно – в конце концов, мое детство прошло в нормальном пролетарском районе, а не в институте благородных девиц; к тому же, в школьные годы я, в отличие от своих лоботрясов-одноклассников, не терял времени даром, а занимался физкультурой. Эти трое просто были не из местных, знакомых – в противном случае у них и мысли бы не возникло связываться со

мною.

Хулиганы хмуро осмотрели меня, и – особенно неприятными, оценивающими взглядами – Надю, поплевали себе под ноги, и вдруг спросили:

– Тебя как звать?

– Максим.

– Ты это, Максим... Бабло сдавай по-быстрому, и пиздуй кабанчиком. А у нас тут одно дело будет. Понял?

Я посмотрел на Надю – она улыбалась самым глупейшим образом. Ну ладно...

Двоих я уложил без каких-либо проблем, разом – наиболее бесхитростными и грубыми приёмчиками из тех, которым меня учили. Один без звука грохнулся на землю, а второй, матерясь и хрустя ветками, скатился в овраг. Я уже надеялся, что на этом всё и закончится, но третий из этих поганцев, вместо того чтобы дать дёру, заехал мне в прямым в глаз какой-то железякой, выхваченной из кармана. Так что теперь на землю пришлось грохнуться уже мне, попутно ослепнув на одну сторону. Перспективы происходящего становились довольно туманными, и в этот момент Надя подскочила к моему обидчику, и выверенным движением залепила ему ступней прямо в то самое место, которое не далее, чем сегодня, уже подвело неведомого мне Вадика. И с тем же эффектом. Скорой и кулька со льдом поблизости не оказалось, так что парень просто мирно улегся на траву, не в силах даже толком материться. Спасительница Надя, не те-

ря ни секунды, подбежала ко мне, быстро осмотрела окровавленное лицо, и, очевидно, придя к выводу, что ничего серьезного со мной не случилось, неожиданно сильными руками помогла мне подняться, – и погнала в лес, подальше от места битвы.

Не могу сказать, что понёс слишком уж серьезные потери – по крайней мере, до Надиного дома я смог дойти сам, зажимая рукавом куртки рассечённую бровь – лило из раны обильно, но неопасно. Надя настояла на том, чтобы я поднялся к ней. Полюбовавшись на себя в зеркало в ее прихожей, я пришел к выводу, что больше похож на серийного убийцу после бурной ночи, чем на нормального законопослушного человека. После умывания вид стал получше, но до идеала какого-нибудь Брэда Питта было все равно далеко: кровь продолжала предательски сочиться, сама собой размазываясь по физиономии.

– Да уж, ни струя себе фонтан, – присвистнула Надя, изучив обстановку. Она, казалось, ни капельки не нервничала. – Надо шить. В таком виде тебе домой соваться нельзя. Родители с ума сойдут, когда увидят такого красавца...

– Можно подумать, если зашьём, то они ничего не заметят, – промычал я, пытаюсь оглядеть себя сбоку и оценить тяжесть повреждений. – Да ты умеешь шить, что ли?

– Ничего, попрячешься от них пару-тройку дней – типа вечером в темноте пришёл, утром раньше всех ушёл. Тогда уже твоя башка будет не так страшно выглядеть, и всем будет

наплевать. А врачей нам вызывать нельзя – ты чего, это ж уголовщина, потом по ментам замучаешься ходить. Вместе со мной... Так что потерпи, не помрёшь.

Она тут же притащила спирт и какие-то особые иголки (хорошо, когда в доме отец – врач), уложила меня на диван, присела на корточки, и стала обрабатывать операционное поле. Предложила мне принять и внутрь – “для анестезии”, от чего я не без тайной гордости отказался. Но ей всё было неудобно, она не никак могла подобраться рукой в нужное место, и тогда, чертыхнувшись, она устроилась рядом, а мою бедную голову положила себе на бедра. Вот так-то лучше, говорит. И ткнула иглой в бровь.

И вот именно в те минуты, лежа на тёплых Надиных коленях, жмурясь и морщась от неумелых уколов, я и понял с удивлением, что, оказывается, моя давняя дворовая приятельница вдруг стала для меня совсем другой – не гадким вчерашним утенком, а самой настоящей, и, наверное, самой близкой мне в этот миг девушкой. Помню, я подумал: каким же я был остолопом, не замечая это заманчивое чудо, обретавшееся рядом со мной все эти годы. С тех пор прошло много времени, но это чувство собственного идиотизма так и не покинуло меня: не могу объяснить почему, но ни в тот день, ни во все последующие, я ни разу не говорил Наде, что влюблён в нее, хотя множество раз, дурак и еще раз дурак, дружески рассказывал ей о своих симпатиях к другим. Это ли не идиотизм? Не знаю, являлись ли мои чувства секретом

для неё самой – позже я изредка ловил на себе её заинтересованные, и иногда даже интригующие взгляды, но никогда в ответ не признавался в главном. А теперь у неё началась взрослая жизнь, мы видимся всё реже, и, боюсь, мы уверенным курсом движемся к тому, чтобы отдалиться друг от друга навсегда.

От этих мыслей мне стало совсем паршиво, но я вовремя вспомнил, что в текущей ситуации не стоит распускать нюни. Я потрогал рукой бровь – тот шрам, конечно, был на месте, он всегда со мной, и, ощутив под пальцами впадинки от стежков, оставленных Надей, я как будто прикоснулся к ней самой. В тот раз она спасла меня, а теперь настала моя очередь. Клянусь, если я найду её... то есть, когда я найду её, черт побери, то уже не стану мямлить. Пусть тогда сама решает, что со мной делать дальше. И всё, и хватит об этом.

Металлический голос, в котором с трудом угадывались женские интонации, объявил остановку “Ногинск”, и поезд начал неуверенное тряское торможение. Пора было двигаться к выходу.

* * *

Древний подмосковный автобус выгрузил меня на заснеженной остановке, приткнувшейся между стеной соснового леса и шоссе с редкими проносющимися машинами. Начало темнеть, было холодно, под капюшон куртки, непривычно морозя стриженную голову, задувал ветер. Вместе со

мною сошла только какая-то баба в хрестоматийном платке и шубе, будто сшитой из разнокалиберных меховых заплат, да ещё и с вёдрами в придачу. Не обращая на меня никакого внимания, она повернулась спиной и быстро исчезла в сумерках, вытянувшись вдоль обочины. Автобус, дымя и дребезжа, укатил вдаль, и я остался совсем один. Обойдя покосившийся павильон, окруженный желтыми проталинами (по всей видимости, оставленными за долгую зиму нетерпеливыми пассажирами) я обнаружил утоптанную дорожку, уводящую вглубь серого обледенелого леса. Да что же я делаю, – подумал я, наверное, в сотый уже раз за этот день, и осторожно двинулся вдоль тропинки.

Через несколько сотен шагов лес поредел, и обнаружился ржавый решетчатый забор, протянувшийся направо и налево сколько хватало глаз. Дорога упёрлась в обмотанные колючей проволокой ворота с облупленными красными звездами. Они были заперты на навесной замок, да ещё и до половины занесены снегом, но было видно, что тем, кто здесь ходит, на это плевать – дорожка делала небольшой изгиб и ныряла в дыру в заборе. Вокруг стояла тишина и не было ни души – только где-то далеко за забором невнятно чернели низкие строения без единого огонька, и жизнь в них выдавала только струя печного дыма, поднимавшаяся над одной из крыш. Я вспомнил, что от ворот мне положено свернуть направо, куда действительно вели редкие протоптанные в снегу следы, и, ругаясь про себя и проваливаясь под наст, по-

следовал за ними. Вскоре я обнаружил и сарай из посеребривших досок, грубо перехваченных облезлыми полосами железа. Дверь была приоткрыта, но было уже почти темно, и я не мог разглядеть, что находится внутри. В очередной раз поколебавшись, я шагнул через порог, и в эту же секунду раздался оглушающий электрический звон, заставивший меня шархнуться назад. Ударившись затылком о притолоку двери, я споткнулся о порог и вывалился наружу. Сначала я вообразил, что включилась сигнализация, но, оказывается, звенел я сам – а, точнее, резкий звук шел от того самого “телефона”, который я подобрал в машине. Ткнув наудачу в кнопку, я заставил аппарат замолчать, и с некоторой опаской поднес его к уху.

Это был Игорь Иванович.

– Что, обосрался? – поинтересовался он своим искаженным голосом. – Ничего, тут у нас тоже кое-кто сейчас портки стирать будет. Не могли вызов на устройстве нормально настроить, дегенераты...

Я поднялся из сугроба, нервно отряхнулся, и покашлял в трубку, обозначив свое участие в беседе. Мой собеседник на том конце издал подобие страдальческого стога:

– Да не светись ты в чистом поле, голова садовая! Зайди в гараж, быстро... – я сообразил, и сделал шаг вперед. – Так, теперь зажги свет, справа от двери. Да выше, что ты там шарь, как слепой!..

Зажглись лампы, и я смог оглядеться. Изнутри сарай вы-

глядел солиднее, чем снаружи: стены ровные, закрыты панелями под дерево, на потолке – современные светильники, вдоль стен стоят аккуратные стеллажи с разнообразными инструментами. Почти всё свободное пространство занимал древний и изрядно помятый грузовик типа «шишига» с будкой-кунгом и черными ведомственными номерами на бампере. М-да, выдающаяся техника, покачал головой я.

– Теперь смотри, времени мало, объясняю быстро и повоенному. Потом еще мой сотрудник добавит. Первое. Твое задание ясное и понятное. Ты должен прибыть на точку, получить там груз, и доставить туда, где находится Соловьёва. После этого её отпустят, и ты сможешь ее забрать на все четыре стороны, или куда там тебе надо. Это в общих чертах. Теперь детали. Первая часть задания самая простая. Твой груз – это техническое изделие, габариты 400 на 200 на 120 миллиметров, вес – четыре тысячи шестьсот граммов. Оно находится на предприятии-изготовителе – опытном производстве Паровозоремонтного завода имени Красной звезды. Адрес: Костромская область, поселок городского типа Мантурово-Верхнее, промзона номер два. Тебе надо туда явиться и забрать изделие, полномочиями тебя обеспечим, вопросов не будет.

Теперь далее. Груз надо доставить в то место, где будет Соловьёва, и там произвести замену блока эр-один... Да блядь, что вы тут мне опять понаписали?! Я вам кандидат технических наук, что ли?! Ладно, хер с ним, это всё потом.

Ближе к делу получишь инструктаж. Главное, туда добрат-ся. Нюанс в том, что это место все время перемещается. По-этому тебе надо будет следовать за ним по нашим указани-ям. Понял?

– Не понял. Как это – место перемещается?

– Да потому что это не место, а они все вместе с Соловьё-вой перемещаются! У них транспортное средство, неужели не ясно?

– Не совсем. Ладно, давайте дальше...

– Правильно, по ходу разберешься. Ты же умный, да? Зна-чит, забираешь изделие и двигаешь в точку встречи. Вот, например... что тут у нас... значит, группировка «Рогачё-во» сообщает, что сейчас они движутся по ориентирам Вы-чегда-Печора, это у нас, стало быть, где-то в Коми. Ну и ты за ними, а мы тебя будем вести потихоньку. Специальными средствами обеспечим, об этом позже...

Второе. Задание, если ты ещё не понял, связано с государ-ственными оборонными задачами Российской Федерации. Его любой хрен с горы выполнять не может. Поэтому тебе специальным приказом присвоено внеочередное звание под-полковника Федеральной службы безопасности, и этим же приказом ты переведен в моё особое личное подчинение. Ты же у нас присягу принимал уже, так? Ну, значит, обойдем-ся без торжественной части. Можешь просто сказать: “Слу-жу Отечеству”. Не хочешь? Ну хрен с тобой. Ты только силь-но не гордись, высокое офицерское звание тебе будет нужно

не для того, чтобы в спецприемнике ЛГБТ-активисток мацать, а для того, чтобы у тех людей, с которыми тебе придётся встречаться, не было лишних вопросов. Так что посмотри-ка налево, на ближнем стеллаже... да, тут. В этой папке твой приказ, спецудостоверение, и доверенность на получение груза. И документы на имя Максима Анатольевича Борщёва – это твой полный тезка, реальный офицер, кстати. Он во все базы внесён по высшему допуску, но в жизни его никто не видел никогда, потому что он всё время сидит в бункере.

– В каком бункере?

– Как в каком, самом главном. Да хуй с ним, с Борщёвым, главное, что никто не знает, как он выглядит, а зато тебе по документам любая шавка будет жопу лизать, ясна идея? Да, не забудь в приказе расписаться. И в расписке о неразглашении тоже! Дело-делом, а бумага в порядке должна быть. Понял?

– Я не понял, как я доберусь до этой Костромы.

– Не до Костромы, а до Мантурово! Наземным транспортом. Вот на этом самом драндулете, не видишь, что ли? Да ты не ссы, машина огонь, хе-хе! Щас тебе мои техники все обрисуют. И ради бога, Максим, не тормози больше. Завтра утром чтоб как штык был на проходной завода. Шестьсот километров, ерунда, дальше придется быстрее бегать. Да! Забыл самое главное. На заводе тебе нужен зам по снабжению, эээ... младший лейтенант Слизень. Он всё выдаст. Ну всё,

пока.

Но это был ещё не конец разговора. В трубке пискнуло, и уже другой, но тоже знакомый голос заговорил:

– Здравия желаю, товарищ подполковник, говорит майор Пушкин. Я должен довести вам инструктаж по применению спецсредств. Попрошу вас слушать меня внимательно и выполнять все мои указания... эээ, если вас это не затруднит. Как слышите меня?

– Нормально.

– Хорошо, тогда подойдите к водительской двери кабины транспортного средства... Вот так. Это – транспортер личного состава специального назначения ГАЗ-67-СУ. Оборудован бронекорпусом с бронестеклами, универсальной ходовой частью повышенной проходимости с пневмоподвеской (я с сомнением покосился на колеса “шишиги” – действительно, необычно широкие, как у гоночной машины, только по-тракторному рифленые), форсированным многотопливным двигателем, и комплексом обеспечения повышенной живучести – это всякие там системы подкачки шин, активной защиты от кумулятивных боеприпасов, постановки завесы, ну и так далее, – похоже, Пушкину надоело зачитывать инструкцию, и он перешел на обычный русский язык.

– Двигатель три и восемь литра, шестьсот пятьдесят лошадиных сил. Максимальная скорость по шоссе, если покрытие хорошее, ограничена только вашими нервами, а по пересеченной местности – до восьмидесяти. Бак на пятьсот лит-

ров, этого хватит примерно на тысячу километров, а лить туда можете всё, что найдете по дороге. Машина состоит из... ну, моторно-трансмиссионное вы не трогайте, оно опломбировано, а вот отделение механика-водителя давайте посмотрим. Прошу внутрь.

Я с трудом распахнул тяжеленную дверь, и по ступенькам забрался на сиденье, оказавшееся неожиданно удобным. Вообще, внутри всё оказалось вполне пристойно, как в иномарке средней руки, а посреди передней панели наличествовал даже экран – выпуклый, как кинескоп советского телевизора, и обрамленный россыпями кнопок. Интересно.

– Ключ зажигания в замке. Он биометрический, то есть настроен на вас. Соответственно, завести машину и даже попасть внутрь никто посторонний не сможет. Управление как на обычной машине, коробка – автомат с электромеханической трансмиссией, понижайки нет, потому что привод непосредственно от тяговых электромоторов на каждое колесо. Так что берет нормально с самого низа. Вот здесь, посередине, большой тумблер – видите? Положение вверх – внедорожный режим, все системы стабилизации отключаются, подвеска поднимается, давление в шинах падает. Положение вниз – шоссейный режим, ну это понятно. Свет, стеклоочистители и прочее – как на любом другом автомобиле. Пока нет неясностей, товарищ подполковник? Тогда сюда мы ещё вернемся, а сейчас повернитесь к задней части машины. Если вам неудобно держать устройство связи в руке, то можете

взять шлёмофон, он автоматически подключится... Вот он, на соседнем сиденье.

Я натянул на голову обычную гарнитуру, которую он назвал “шлёмофоном” (так и сказал), и, действительно, почувствовал себя удобнее. Без обеих рук тут было не развернуться. Протиснувшись в узкий проход между сидений, я отодвинул плотную шторку и оказался в заднем отсеке.

– Тут у нас десантное отделение. Оборудовано спальным местом (я присел на короткий, но удобного вида лежак), и рабочим местом (железный стол напротив лежанки). В углу – фильтровентиляционная установка, запас пресной воды и НЗ, а также снаряжение – потом посмотрите. Сбоку – отсек санузла и душ. При необходимости автономный режим сохраняется до трех суток, в том числе – в условиях радиационного или химического загрязнения внешней среды. Впрочем, надеюсь, до этого не дойдет. Теперь, товарищ подполковник, попрошу вас вернуться на место механика-водителя. Слева, в вещевом ящике, футляр...

Я откинул крышку бардачка и вынул тяжелую металлическую коробку. Внутри, на обитой тканью подложке, матово поблескивал пистолет необычного вида – короткий, но с непропорционально длинной рукоятью и выпирающим горбом под стволом. Гарнитура продолжала вещать:

– Это самозарядный пистолет Сердюкова модернизированный. Возьмите, только осторожно, и ни на что не нажимайте. Магазин увеличенной емкости на 24 патрона. Вме-

сто пороха используется особый заряд, поэтому прицельная дальность стрельбы увеличена до семидесяти метров. Патроны тупоконечные, поэтому останавливающее действие выстрела примерно такое же, как у обычного ПМ, только стреляет очередями. Далее, сбоку рукоятка предохранителя, видите? Вверх – остановка затвора, среднее положение – режим автоматической стрельбы, а нижнее – это выстрел гранатометным боеприпасом, который располагается вот в этой подствольной обойме. Всего там три ракеты с осколочно-термобарической боевой частью. Соответственно, соблюдайте технику безопасности. В закрытых помещениях не применять, минимальная дистанция стрельбы – не менее двадцати метров из укрытия. Носимый боезапас – ещё девять ракет и девяносто шесть патронов, вот, видите обоймы? И кобура рядом – наденьте и постарайтесь держать оружие при себе постоянно. По данному разделу вопросы есть?

Я только удивленно покачал головой, но майор понял.

– Тогда самое важное. Вот этот экран в центре, и кнопочные выключатели вокруг – это система навигации и боевого управления. В настоящий момент большая часть функций заблокирована. Это сделано для того, чтобы система не обменивалась сигналами со спутниками и стационарными устройствами связи. По ним вас может обнаружить вероятный противник, а это нежелательно. Поэтому система навигации работает в ограниченном режиме. На экране вы будете видеть ваше текущее положение на карте, а также азимут

и расстояние до объекта, который сопровождаете. Координаты слежения мы сможем передавать вам раз в сутки, чаще не выйдет. Тип связи, который мы используем для передачи данных, трудно запеленговать, но всё же он позволяет вычислить местонахождение обоих абонентов с точностью до нескольких километров. На том же принципе, кстати, работает и ваше устройство связи, по которому мы общаемся. Пока мы находимся в Подмосковье, где много источников радиосигнала, это не страшно, но, когда вы окажетесь вдали от крупных городов, периодичность сеансов связи придется сократить. Так что координаты, которые мы будем вам посылать, будут меняться скачкообразно, раз в день. Будьте готовы к тому, что объект может внезапно оказаться ближе или дальше, чем вы рассчитывали.

Напоследок – инструкция по сопровождению объекта. По нашим предположениям, он будет перемещаться прямолинейно и быстро – намного быстрее, чем любое наземное транспортное средство, вроде вашего. Но в то же время, объект обязательно будет делать длительные остановки, которые дадут вам возможность его догнать. Это при том, что большая часть пути будет проходить вдали от дорог общего пользования, так что скорость вашего движения будет ограничена. Генеральное направление движения объекта – на северо-восток до шестидесят пятой – шестидесят восьмой параллели, далее строго на восток. Это, повторю, предположения разведки, данные будут уточняться...

Я, наконец, не выдержал:

– Но ведь шестьдесят восьмая параллель – это за полярным кругом? Кому взбрело в голову тащить какую-то девушку на Крайний Север? Кто эти злоумышленники – Чилингаров с Конюховым, что ли?

– Не могу знать, – сухо ответил Пушков, – все вопросы прошу адресовать вашему руководству.

– Каком руководству?

– Вашему командиру, вы же офицер... Я могу продолжать инструктаж?

– Продолжайте...

– Спасибо. Собственно, мы уже почти закончили. Осталось рассказать про ваше средство связи.

Я снова достал коробочку-телефон.

– Как вы видите, здесь только одна кнопка, и сверху – переверните – верньер регулировки громкости вызова. Кстати, выверните его потише, пожалуйста... Кнопка – это вызов командования. Пользоваться ей устав внутренней службы разрешает только в экстренных случаях, которые угрожают выполнению задания. Как поняли?

Я снова кивнул.

– Если непосредственный командир недоступен, а обстановка позволяет, то ответит оператор – то есть я, или дежурный офицер смены. Я сказал про обстановку – она не должна быть демаскирующей, то есть вы должны находиться рядом с другими источниками радиосигналов. Например, в

крупном городе, или, в вашем случае, на береговой линии (а там-то какие сигналы? – подумал я, но промолчал). Во всех остальных случаях вызовы инициируются централизованно, то есть нами, а не вами. Прошу вас обратить на это особое внимание.

– Понял я, понял.

– Теперь заводите двигатель и двигайтесь через лес по направлению к трассе А-107, по которой вы сюда приехали. Навигатор подскажет. Двери гаража открыты, но, насколько мне видно, занесены снегом снаружи – просто подтолкните их бампером, они откроются. Товарищ подполковник, меня тут ещё просят передать, что в машину положили сумку с вашей формой. Говорят, не забудьте переодеться перед встречей... И ещё просьбочка от меня уже будет. Там, вместе с вашими приказами, есть лист проведения инструктажа и требование-накладная на выдачу технических средств – вот этой вот машины и прочего. Заполните, пожалуйста, хорошо? А то когда вы ещё в нашу бухгалтерию попадете, правда?..

Хорошо, что он напомнил про эти бумажки. Да уж, канцелярии развели порядком. В стопке были: приказ безымянного и.о. верховного главнокомандующего о присвоении мне звания, даже не подписанный, а проштампованный совершенно неразборчивым факсимиле (исполняющий обязанности верховного главнокомандующего? Как это?), бордовая книжечка удостоверения с двуглавым орлом (загля-

нув внутрь, я обнаружил в ней свою фотографию в парадной подполковничьей форме с погонями и аксельбантами, и даже неидентифицируемыми значками на груди. Никаких признаков подделки на изображении я обнаружить не сумел). Также обнаружили: подписка о неразглашении информации, составляющей государственную тайну (три страницы мелким текстом с примечаниями, проглядев которые, я уяснил, что вплоть до особого распоряжения мне вообще запрещается о чём-либо говорить, и вообще вступать в любые сношения с нормальным миром. Интересно, а как я должен буду объясняться на этом паровозном заводе, жестами, что ли?), доверенность на получение “опытного образца изделия шифр Прибой-бис”, лист проведенного инструктажа и накладная на машину и другое имущество, вверяемое мне для выполнения задания (там было штук двадцать строчек, но мне уже стало лень читать, и я подмахнул всё не глядя).

Кажется, оставаться здесь дальше не имело смысла. Как бы ни был непонятен предстоящий путь, сворачивать с него, очевидно, было глупо – ведь он должен был привести меня к Наде. Пора было двигаться вперед.

Я раскачал изнутри ворота, которые действительно застряли в наметенном снегу, сел в вездеход, завёл двигатель и, двигаясь неуверенными поначалу рывками, уперся мордой машины в створки. Они натужно поддались, я почти выкатился наружу, и в этот момент по моим ушам ударил тяжелый до звона грохот, а машина, как дурная, совершила неве-

роятный скачок вперед, в кусты, где и замерла как вкопанная, запутавшись в ветвях. Если бы я забыл пристегнуться, то тут бы все и закончилось, а так я благополучно избежал встречи собственного носа с рулем. Заснеженный лес озарился красным маревом, а в заднем зеркале я с замирающим сердцем увидел неторопливо поднимающийся к небу фонтан из комьев грязи вперемешку с кирпичами и гнилыми досками. Это был взрыв, и этим взрывом только что явно и несомненно хотели убить меня. Больше некого. Я резко нажал на газ, машина взревела, и, разбрасывая колесами сугробы, боком вломила в окружающий ельник. Скорость постепенно нарастала, автомобиль, продирающийся в сторону шоссе, кидало из стороны в сторону, но он двигался всё увереннее, и вот уже за деревьями замелькали огоньки машин на шоссе. И тут в лучах фар, усиливаемых отблесками пожара, я увидел мешковатую фигуру в бабьем платке и заплатах шубе, ловкими скачками удирающую между стволов в сторону от дороги. Это же она, эта сволочь, взорвала меня, – осознал я, – подложила что-то под ворота гаража и теперь пытается убежать, надо догнать... Но тут уже далеко позади, за забором, взревели сирены, преследуемая фигура отпрыгнула далеко вбок и пропала в мечущихся тенях деревьев, а машина вылетела на трассу, опасно крутанула задом и понеслась направо – туда, куда мне и было надо. Мотор ревел как бешеный, а скорость нарастала еле-еле, и тогда я вспомнил про переключатель, скинул его вниз, и снова едва удержался в

кресле – с таким бешеным неистовством мой экипаж рванул вперед. Меня носило из стороны в сторону по полосам, встречные машины испуганно разлетались по обочинам, и не знаю уж, сколько ещё я проехал бы до неизбежного столкновения, если не взял себя в руки, и не сбросил газ. Уже в который раз за этот безумный день мне стало страшно – и не только за себя. Если они (да кто эти они?) готовы были просто так убить меня, еще ничем не успевшего навредить им, то что же они сделали с моей беззащитной Надей?..

16 марта

Дневник,

мне не разрешили пользоваться Интернетом, поэтому дальше буду всё записывать в эту тетрадку, которую нашла в тумбочке рядом с кроватью. Когда-нибудь потом, когда меня вернут домой, объединю эти записи. Писать от руки непривычно и долго, пальцы сразу начинают болеть, но, с другой стороны, так даже интереснее. Времени у меня навало. Можно выводить красивым почерком буквы и представлять, что ты настоящая принцесса в темнице у дракона, которой от горя ничего не остается, кроме как излить душу своему единственному бумажному собеседнику. Ну вот, я опять развоображалась (тут хочется поставить смайлик, но я не знаю, насколько это уместно при письме на бумаге, так что воздержусь). Какая темница, какой дракон – да тут лучшее место на свете! Нигде больше и никогда в своей жизни я не видела такой красоты и уюта, как здесь. Но я опять забегаю вперед, а ведь решила всё писать постепенно.

Как ты помнишь, Дневник, после Нашей Встречи в Кремле (так и напишу с заглавных букв, потому что, согласишься, это было по-настоящему важное событие), у меня выдалась бессонная ночь. Так что проснулась я уже за полдень, и ужасно испугалась, что не успела сдать номер и выехать

до двенадцати. Расстроилась, конечно, что придется платить за лишний день. Не успела я умыться и одеться, как раздался стук в дверь. Я подумала, что это пришла горничная выгонять меня, но открыв, увидела молодого симпатичного парня спортивного вида, в сером костюме и с огромным букетом роз в руках. Сначала я решила, что ошиблись номером, и даже успела об этом пожалеть, но потом признала в неожиданном госте вчерашнего весельчака, который развлекал нас у подъезда Боровицкой башни, чтобы мы не мерзли. Он зачем-то протянул мне удостоверение с красной обложкой с гербом, вслед за ним – цветы, улыбнулся и поздоровался:

“Доброе утро, Надежда Сергеевна. С праздником вас! Хорошо отдохнули? Меня зовут Саша, я сотрудник Администрации Президента”.

“Спасибо... То есть здравствуйте, тогда и вы называйте меня просто Надей” – ответила я, а сама подумала: как он узнал, что я только что проснулась? У нормальных-то людей уже давно день, а не утро.

“Нет-нет, нам не положено, – мне показалось, я его смутила. – Так что давайте я останусь Сашей, а вы всё-таки Надеждой Сергеевной, хорошо? Вы не возражаете, если я войду?”

“Да-да, конечно, – спохватилась я. – Только у меня тут беспорядок...”

Надо отдать Саше должное – он не стал разглядывать

мою одежду, которую я вчера от усталости просто разбросала по стульям (слава Богу, хоть белья нигде на виду не валялось), а скромно сел на краешек кресла и снова улыбнулся мне.

“Меня, собственно, попросили проводить вас в нашу загородную резиденцию. Если вы не против... И вообще быть полностью в вашем распоряжении. Может быть, вы собирались сделать покупки в Москве, или навестить друзей? Это можно организовать, у меня машина с сопровождением, без пробок быстро управимся...”

“Подождите, подождите!.. – испугалась я. – Это что же, прямо сейчас ехать? Я не думала, что всё это всерьёз и вообще так сразу. Мне собраться надо, из гостиницы выехать, позвонить, наконец, родителям, что я задержусь... Или мы вернёмся до вечера? Тогда ладно, потом соберусь...”

“А-а-а, я понял, вам не успели толком рассказать, что к чему. Ну тогда я сейчас всё-всё вам объясню и покажу. Вы не переживайте, пожалуйста, вернёмся, когда захотите. Только я не думаю, что вы быстро соберётесь обратно. Я готов с вами поспорить на что хотите, что резиденция Президента – это лучшее место на свете. Правда-правда, скоро сами увидите. Вы же гостя Владимира Владимировича, вас там ждут, готовятся, всё по лучшему разряду... Может быть вы думаете, что я не тот, за кого себя выдаю?”

На последнем вопросе он покраснел и насупился. Я за-

мотала головой (стыдно-то как, может, я обидела его, а этот Саша такой милый), но он ещё раз чуть ли ни силком всучил мне свою красную книжечку, заставил посмотреть все печати, и только после этого успокоился и снова повеселел.

“Вы не беспокойтесь, пожалуйста, Надежда Сергеевна, все ваши вещи соберут и перевезут, за номер заплатят, в общем, вы можете ни о чём не думать. Поедёмте прямо сейчас, а? Нас ждут уже”.

Но я всё-таки упёрлась и заставила его подождать, пока скидывала в рюкзак свои тряпки и мелочи, а потом ещё заперлась в туалете чуть ли не на полчаса, чтобы переодеться в приличное и накраситься. Так-то я обычно без этого обхожусь, но не могла же я ехать к ТАКИМ людям заспанной замарашкой! Так что пришлось Саше подождать. Зато, когда я вышла и объявила, что готова, он осмотрел меня с искренним одобрением, а потом вдруг опять смутился:

“Ой, виноват, не сообразил сразу. Вы же, наверное, кушать хотите? Не успели ещё позавтракать? Ничего, у нас в машине бутерброды будут и чай, а приедем как раз к обеду, там уже по-человечески накормят...”

“Да пойдёмте же, Саша, не надо так убиваться. Я, когда в походе, могу не есть по два дня, а завтракаю вообще редко, так что я привычная”.

“Да мы тоже, бывало, в полевых выходах по несколько дней без довольствия, так что я вам верю. Но, поскольку

я теперь несу за вас ответственность, то категорически настаиваю на том, что питаться всё-таки лучше регулярно...”

Беседуя таким манером, мы спустились в холл гостиницы, где совершенно неожиданно охранник, дремавший в кресле, подскочил, чтобы открыть нам тяжёлую дверь. “До свидания, – говорит, – приезжайте к нам еще”. И девушки за стойкой тоже дружно встали и помахали нам руками. Я подумала, что всё это лишнее и вообще непривычно, но ладно уж, всё равно приятно. На улице нас ждала огромная длинная машина (я в них не очень разбираюсь, но явно что-то не наше и вообще роскошное), а перед ней, как вчера – полицейский автомобиль с мигалками. Да ещё сзади чёрный джип, тоже с синим фонариком. Ах, нет, джипа было два – я заметила, что сразу за нами из гостиницы быстро вышли несколько людей, и часть из них тут же расселась по этим двум машинам, а другие встали рядом с нами и стали ждать, пока Саша откроет мне дверцу и пустит в салон. Вот это да!

Внутри меня ждало здоровенное мягкое кресло, обитое теплой пушистой тканью. Оно оказалось настолько уютным, что я, смущённо взглянув на Сашу, не удержалась, сбросила сапожки и залезла на сиденье с ногами. Саша, втиснувшийся вслед за мной, уселся в такое же, только кожаное кресло напротив и одобрительно кивнул мне.

“Чувствуйте себя как дома, Надежда Сергеевна, распола-

гайтесь. Сейчас я вас всё-таки угощу чем-нибудь... Ехать-то нам недалеко, но меня не простят, если я вас оставлю голодной!"

*С этими словами он принялся нажимать на кнопки, спря-
танные между светлыми панелями салона, и тут же от-
куда-то передо мной возник столик, а широкий подлокотник
кресла мелодично звякнул открывающейся крышкой. Внут-
ри, подсвеченные нежным золотистым светом, оказались
два фарфоровых блюда: одно было сервировано маленьки-
ми бутербродами, большие похожими на крошечные торты
– такие они были сложные, а на втором были красиво выло-
жены персики, виноград и еще что-то совсем экзотическое,
я такого никогда не видела. Между блюд красовался кувшин
с каким-то морсом и два высоких бокала.*

*"Вы пока кушайте, а я..." – начал Саша, но я прервала
его: "Вы тоже угощайтесь!" – "Спасибо, я-то как раз не от-
кажусь", – он дождался, пока я первая отщипну виногради-
ну, и разом проглотил разом два бутерброда. "Так вот, пока
у нас есть несколько минут, я хотел бы ознакомить вас с
некоторой информацией особой важности. Вы не против?
Только мне придется на некоторое время перейти на офи-
циальный язык, не пугайтесь".*

*Я промывчала с набитым ртом – дескать, хорошо-хоро-
шо, конечно. Я только сейчас заметила, что мы уже едем –
в затемненном окошке со страшной скоростью проносились
дома и улицы, но казалась, что машина застыла на месте*

– не было ни шума, ни малейшей тряски. Саша сказал:

“Надежда Сергеевна, как вам уже говорили, вас пригласили к нам не только, так сказать, на экскурсию, но и для того, чтобы вы могли принять участие в общей работе. Поэтому я должен поставить вас в известность, что среди тех вещей, которые вы увидите и узнаете в ближайшие дни и даже часы, могут оказаться сведения, составляющие высшую государственную тайну Российской Федерации. Поэтому... – он залез рукой под пиджак и, снова покраснев, вытащил оттуда листок бумаги, – я попрошу вас первым делом подписать документик о неразглашении... Никто, конечно, ни капли не сомневается в вашей ответственности, но вы уж извините, таков порядок”.

Я посмотрела на протянутую им страницу – это был такой же, как и вчера, гербовый бланк, в который было вписано от руки мое имя, а остальное было отпечатано... нет, не на принтере даже, а на старой литерной машинке, что ли? Я видела такую у папы. Там было так: обязуюсь не разглашать сведения, доведённые мне по допуску А плюс плюс. И всё, а какие сведения, не указано. Все подписала, конечно – тайна есть тайна. Саша забрал листок, не нашел, куда его спрятать, и убрал обратно за пазуху. Я хихикнула, но тут же спохватилась и снова приняла самый серьезный вид.

“Спасибо. Теперь позвольте вам вручить именованное средство связи” – Саша полез в другой карман, вынул изящный телефон и протянул мне. Я присмотрелась и увидела, что

это был не совсем телефон – у него не было никакого экрана. Вместо него была серебристая панель, украшенная красивыми муаровыми узорами, а посреди нее – единственная кнопка. Сзади на «телефоне» было выгравировано каллиграфическим шрифтом «Надежда 009». Ух ты, стильная штука!

“Какой тяжёлый”, – удивленно охнула я.

“Ну что вы, Надежда Сергеевна. На подводных лодках такая аппаратура может занимать целый отсек. А это гражданский вариант, упрощённый, поэтому такой маленький. Это так называемое устройство дальней связи, обеспечивает передачу информации на любых расстояниях и в любых экранированных помещениях – будь вы под землей, под водой, или просто в защищенном бункере” – тут он отвлёкся, и начал пространно рассказывать про какие-то децилометровые диапазоны, скорость передачи данных, амплитудное моделирование и ещё что-то, что я пропустила мимо ушей. Я, к счастью, прирождённый гуманитарий, и ничего не понимаю в физике – в школе сдала на пять, только выучив наизусть учебник, который на следующий день полностью испарился из моей головы. Я сейчас могу вспомнить только, что вообще-то сама по себе эта штука не может ни с чем связываться, потому что для этого нужны какие-то невообразимо огромные антенны, которые невозможно впихнуть в такую маленькую коробочку. Но зато она дотягивается до ближайшей такой здоровой антенны,

которые предусмотрительно закопаны по всей стране. Надо же, что люди придумают!

Сашиа заметил, что я потеряла нить, и виновато произнес:

“Простите, увлёкся. Я вообще-то связист по первой специальности, мне всё это близко... Но важно вот что. Видите кнопку? В любой ситуации, в любых обстоятельствах, где бы вы не находились – я имею в виду, на территории нашей страны, нажав её, вы сразу попадаете к Самому. Он приказал так настроить. Ну, или если Владимир Владимирович совсем занят – выступает, например, и не может ответить, то вызов принимает референт, то есть Антон Эдуардович. А вот смотрите, это прилагается к устройству. Наденьте, пожалуйста».

Он снова залез в карман, достал бархатный футляр и улыбаясь, откинул крышечку. Внутри было кольцо из светлого металла – белого золота, наверное, украшенное небольшим, изысканно бледным голубоватым сапфиром. Ничего себе! Я надела колечко (подошло на левый безымянный палец, как влитое) и залюбовалась – как раз в тон моим глазам, а металл хорошо сочетается со светлой кожей. “Что это за сплав такой?” – спросила я.

“Оружейный палладий. Это, собственно, не украшение... Точнее, не только украшение. Это внешний датчик устройства связи. Если кольцо окажется на расстоянии более двух метров от основного модуля, то мы поймём, что что-то

случилось, и сразу же увидим, где вы находитесь. И придём на помощь. Так что держите телефон при себе постоянно, и далеко его не убирайте, а то поднимите тревогу у нас”, – пояснил он с улыбкой.

“Спасибо, – поблагодарила я за подарок. – Ой, а как с него домой позвонить? Я же забыла родителей предупредить, и ещё мне в университет надо сообщить, что я пропущу занятия...”

“Вы не сердитесь на нас, но мы уже всё сообщили – и родителям, и в университет, так что не переживайте, прошу вас. А позвонить с этого конкретного устройства больше нигде нельзя, только одному абоненту, как я сказал. Но мы скоро приедем, и я вам покажу, к кому вы сможете обратиться, если вам потребуется позвонить, или, скажем, посмотреть электронную почту. Мы все по долгу службы обычными сотовыми телефонами не пользуемся – вопрос безопасности. Так что я попрошу и вас сдать ваш старый телефон в камеру хранения. Можете оставить прямо в машине, не волнуйтесь, не потеряется. За этим проследят”.

“Да? – протянула я с сомнением. – Но вы точно с родителями говорили, они же с ума сойдут, если я пропаду?”

“Я даю вам слово офицера, что ваши мама и папа полностью в курсе вашего положения, знают, где вы находитесь, и не ждут вас в ближайшее время. Да что я говорю – вы же сами сможете с ними связаться, как только мы прибудем на место, я же обещал. Вот, кстати, здесь нам

надо будет сделать пересадку”.

Я огляделась и поняла, что наш экипаж уже не движется, а стоит на одной из старых московских улочек, среди голых кустов и прогуливающихся по тротуарам старушек с детьми. В этот момент, мягко качнувшись, лимузин скользнул через ворота во двор, улица осталась позади, и мы остановились окончательно. “Приехали, Надежда Сергеевна” – пригласил меня Саша, распахнув дверь.

Я торопливо натянула обувь и вышла наружу. Мы находились в маленьком, ни примечательном, дворике – таких полно и в моем городе, здесь даже были детские качели и засыпанная снегом песочница, приоткрывшаяся у стены. На песочнице сидела и сонно смотрела на нас лохматая рыжая дворняга. Закрывшись за нами ворота ни за что бы не привлекли мое внимание (во время своих коротких прогулок в последние два дня я много раз видела такие же, закрывающие подворотни между жилыми домами), если бы не красные жестяные звёзды, украшавшие створки посередине. Саша кивнул на жёлтый двухэтажный дом с замазанными мелом окнами, около которого мы остановились:

“А вот и вход в наше подземное царство. Добро пожаловать!”

Мы прошли несколько метров, отделявших машину от железной двери в здание (мой проводник снова по-джентельменски предусмотрительно потянул за ручку), и оказались в небольшой прихожей. Там стоял стол с телефоном, а ря-

дом с ним, вытянувшись, отдавал нам честь солдат в зелёной форме и фуражке. “Здравия желаю...” – небрежно поприветствовал его Саша, а затем повел меня за собой вглубь коридора, который, завернув за угол, уперся в решётчатую дверь лифта. Выглядели все эти казематы, честно говоря, холодно и неуютно – особенно по сравнению с недавней роскошью нашего средства передвижения. Пропустив меня в лифт, Саша весело сказал: “Не обращайте внимания на скучный интерьер, Надежда Сергеевна. Руководство предпочитает классический стиль, так что здесь всё специально оставлено так, как было задумано строителями еще восемьдесят лет назад. Хотя всю отделку, конечно, поменяли на итальянскую, у нас тут правительственное учреждение всё-таки, а не полустанок под Тамбовом. До сих пор с подрядчиком за переработку судимся...”. Я снова хихикнула.

В лифте было всего три кнопки. На верхней было написано: «Почтамт», на средней «4. Загорск – Алачково», на нижней – «2. Электросталь – Усово». Тщательно защелкнув все запоры на двери, Саша нажал на нижнюю кнопку. Кабина, вздрагивая, неторопливо двинулась вниз. “Да, Надежда Сергеевна, – заметил Саша, – я, конечно, тоже люблю винтаж, но если честно, то этому лифту уже давно пора на свалку истории”. Мне было не по себе, несмотря на его шутки.

“Скажите, а что это был за дворик, в который мы заехали? Там на самом деле играют дети?”

“Нет, что вы, это для виду. Если хотите знать, это во-

обще не двор и не дом, а маска-сооружение противоатомной защиты. Сплошной куб из железобетона, там даже никаких комнат нет, только вот этот короткий коридорчик, по которому мы прошли, и каптёрка охраны. Таких домиков по всей Москве десятка три-четыре наберется, я и то не про все знаю. А снаружи ни за что не скажешь, что они какие-то особенные, да?”

Тут кабина остановилась (меня здорово трянуло и, чтобы не упасть, я даже схватилась за Сашин рукав), и мы вышли в очередной коридор самого обычного вида – как в какой-нибудь организации или общежитии: на полу потёртый линолеум, стены окрашены охряной краской, а сверху, между сплошных труб и проводов, жужжат люминесцентные лампы. В коридоре было множество деревянных дверей без табличек, но все закрытые, а сам проход через каждые несколько метров делал резкие изгибы. С некоторых пор я побаиваюсь закрытых пространств, а здесь, вдобавок, было как-то особенно жутко: откуда-то из-за стен раздавался низкий тревожный гул, а ещё доносилось эхом звонкое щелканье капель воды. Наверное, у меня был совсем испуганный вид, потому что Саша сочувственно пробормотал: “И не говорите, сюда ремонт ещё не добрался, безобразия. Но тут нам надо пройти совсем чуть-чуть, а потом, уверяю вас, архитектура будет совсем другая. Не бойтесь, я вас тут одну не оставляю и в обиду не дам!”

Наконец, ужасный коридор закончился, и мы очутились

вроде бы на станции метро – но как же она была непохожа на те подземные дворцы, что я видела раньше! Во-первых, она была не прямая, а изогнутая, и узкая, не шире пары метров, платформа плавно терялась за изгибом тоннеля. Во-вторых, не было никаких украшений, люстр и мрамора – все те же окрашенные грязно-желтой краской стены – лишь сбоку от нас располагался декоративный стенд из фанеры. Там висели серп, молот и красный флаг со звездой, да ещё какие-то плакаты с фигурами в военной форме и, почему-то, огнетушитель (это я уже увидела позже, когда мы сели в поезд). Сама платформа была уложена бурым кафелем, сколотым в некоторых местах – как, pardon, в туалете моей бывшей школы. Ну и затем, сам тоннель показался мне уже и теснее обычного метрополитеновского – возможно, из-за того, что весь он до потолка был занят поездом, состоявшим всего из двух вагонов. На первом, обычного синего цвета, не было вообще никаких окон, кроме стёкол в кабине машиниста, а на борту написано непонятное “ЛМ” и какие-то цифры, – этот вагон заметно шумел и периодически издавал неприятный высокий писк. Зато второй был длинным, серебристым, почти фантастического вида, с гербовыми шторками на окнах (это в метро-то – шторки!), и приветливо распахнутой дверью, за которой виднелась красная ковровая дорожка. У двери вагона стоял настоящий усатый проводник в фуражке и кителе и важно смотрел на нас, приговаривая:

“Добро пожаловать, гости дорогие, прошу подниматься на борт, отправление через две минуты... У меня уже и самовар закипел, буду вас угощать, чем Господь послал. Время в пути – тридцать минут, домчим с ветерком, как у Боженьки на крыльышках” (он так и сказал, вот не вру!)

“Здравия желаю, Федор Михайлович, здоровы вы балагурить, – усмехнулся Саша. – Лучшие познакомьтесь с нашей новой сотрудницей, Надеждой Сергеевной”.

Проводник ласково мне кивнул: “Вас не беспокоит, в номере будете? Или в салон всё подавать?” Саша почему-то покраснел от этих слов и замахал рукой: “Тыфу на вас, Федор Михайлович, как вы только подумать могли! В салон, непременно в салон! Надежда Сергеевна здесь по приглашению Владимира Владимировича”. Проводник сокрушенно поднял брови: “Вы, товарищ майор, не знаю уж что решили, а я только подумал, что товарищ Надежда Сергеевна наша, может быть, устала с дороги, отдохнуть хочет. Ну, в салон, так в салон, там веселее, да и путь недалёкий”.

Саша на это только хмыкнул и провел меня через небольшой тамбур, украшенный зеркалами в рамах черного дерева. Хотя я уже насмотрелась на всякие роскошества, но внутреннее убранство поезда сверкало таким богатством, что у меня даже заболели глаза – видимо, после мрачного подземелья, в котором мы только что были. Наверное, так и выглядят залы в усадьбах современных богачей, где мне, слава Богу, пока что не доводилось бывать: всё в бежево-ко-

ричневых тонах, полосы золоченой тисненой кожи между окнами перемежаются вышитыми тканевыми вставками, потолок – огромное овальное зеркало в окружении карнизов, с бронзовой люстрой посередине, а пол, кажется – из мрамора! У стен стояли два пухлых кресла и диван с золотыми узорами, а напротив них – камин, и, не поверишь – даже маленький рояль в углу!

“Это и есть салон, в который не хотел нас пускать строжайший Федор Михайлович, – сообщил Сашиа. – Там, за дверью, малая зала, две каюты... то есть купе первого класса – с ванными, гардеробами, кабинетами и спальнями, и ещё небольшая комната для совещаний. Хотите посмотреть?”

Я очень хотела, но тут появился проводник и чуть ни силком усадил меня в кресло, – да ещё и задвинул столик, на который принялся немедленно выставлять всякие яства. Тут всё было куда как обильнее, чем «скромные» блюда, которыми меня уже накормили в лимузине. Я только мотала головой, пыталась объяснить ему, что я не голодна, но настойчивый Федор Михайлович, не слушая меня, заявил, что с самого утра был занят подготовкой “праздничного обеда по случаю 8 Марта”, и все подносил тарелочки и вазочки, в которых я смогла опознать только копченую свиную шею, белую икру (на льду!) и, кажется, ломтики обжаренных баклажанов, украшенные многослойными цветочками из паштета. Все остальное я раньше даже в интернете не видела. Сашиа довольно усмехался, глядя на попытки Федора Михай-

ловича меня накормить. В конце концов пришлось сдаться. В окошко я заметила, что наш поезд уже начал движение, и тут же разогнался до невероятной скорости. Как только мы покинули станцию, за стеклом стало темно, хоть глаз выколи, и сквозь яркое отражение салонного убранства были видны лишь бесконечные серые полосы пролетающих мимо кабелей. На удивление, не было слышно никакого шума, обычного для метро. Если бы не частые и глухие перестукивания колес на стрелках, я бы подумала, что вагон стоит на месте, а вокруг него мягко проносится темный ветер тоннеля. Пока я усиленно делала вид, что завтракаю, Сашиа рассказывал:

“На таком поезде можно уехать куда угодно по всей стране – в городе под землей, а дальше, конечно, по обычным рельсам. Если надо ехать далеко, то мы цепляем еще один вагон с аккумуляторами, ну и вагон с охраной, конечно. Но здесь нам охрана не нужна, в этих перегонах, сами понимаете, случайных людей не бывает. Да и вообще ими в мирное время редко пользуются, а военного, слава Богу, пока не предвидится. Положа руку на сердце, Надежда Сергеевна, мы бы быстрее добрались на машине, но Владимир Владимирович почему-то попросил везти вас именно этим маршрутом, велел показать наше хозяйство”.

Услышав про В.В., я снова занервничала и отложила в сторону бутерброд с крабом:

“Скажите, Сашиа, а для чего я всё-таки ему... ну, в смыс-

ле вам – понадобилась? Он сказал, что хочет дать мне какое-то поручение, но ведь для этого столько людей пришлось от дела отрывать. Вот вы сами меня встречать поехали, и поезд этот надо было организовать, и машины, и вообще... Нет, вы не думайте, пожалуйста, я очень рада, но ведь это дорого всё, наверное, и я из-за этого боюсь, что на мне лежит очень-очень большая ответственность”.

«Надежда Сергеевна, у меня нет информации по вашим поручениям. Совсем скоро вам обо всём расскажут. Но вы не переживайте, пожалуйста. Я не думаю, что вам предстоят какие-то непосильные задачи. Владимир Владимирович прекрасно разбирается в людях и в распределении ответственности. Он никогда не попросит вас о чём-то, если вы на самом деле не способны это выполнить. По себе знаю. Да и вообще, может быть, вы ему просто понравились... А что вы на меня так смотрите? У него часто бывает – увидит человека на какой-нибудь встрече с ветеранами, говорит – вот, какой интересный товарищ, давайте с ним пообщаемся получше, узнаем, чем живет, что думает... И идет к нему пить чай, например. Охране, конечно, сплошная морока, но что поделаешь – хочет быть с народом. А с вами, полагаю, он вчера просто не успел договорить, вот и пригласил к себе. А остальное сами у него спросите, верно?»

А что касается, как вы говорите, сложности или там дороговизны – так это всё ерунда, забудьте. Ничего это ни для кого не стоит, а мне так и вообще отдых. Вместо того,

чтобы по клиентам бегать, я лучше с вами, такой вот симпатичной, в мягком вагоне прокачусь (я покраснела). Это же не какое-то экстраординарное мероприятие, тут целая процедура работает, огромная человеческая машина, и работает безукоризненно – каждый делает свой маленький и относительно несложный кусочек работы, а результат вот как вас впечатлил, да? Это и есть искусство лидера – так разделять все обязанности, чтобы каждый отдельный работник делал простые, понятные, и даже, я бы сказал, приятные самому себе вещи и получал бы за это, между прочим, приличествующую своему месту зарплату. А все вместе, получалось бы, делали большое и великое дело. Вот Владимир Владимирович такой, он умеет всё это распределять. И люди, которые при нем, тоже умеют. И ниже, их подчиненные – все самые лучшие. Вот смотрите, у нас в администрации президента три тысячи сто человек, да в управлении делами пятьсот, и еще в службе охраны более семиста, и в гуспе (он так и сказал, не поняла, что это) двести с лишним, да ещё и кру (?), всего, получается, пять тысяч человек на Него непосредственно работают и обеспечивают его повседневную деятельность. И ведь это только по штатному расписанию, а есть еще всякие подведомственные ФГУПы, ГУПы (это я поняла уже), хозяйства, на уровне Москвы – штук десять всяких управлений, даже институты есть, а ещё – между нами говоря, разные юридические лица, которые специально решают особые задачи. Итого

получается уже не пять тысяч человек, а пятьдесят. И все эти люди работают на то, чтобы любые решения Президента, даже самые маленькие и повседневные, сразу же, без сложностей и проволочек, воплощались в жизнь. Чтобы он не думал, как что-то организовать, а просто говорил – вот это надо сделать, в эту сторону надо двигаться. А мы делаем в самом лучшем виде и моментально. А вы его гостья, значит – всё это и для вас. Как вы думаете, Надежда Сергеевна, сложно ли полусотне тысяч человек всем вместе сделать так, чтобы вы попали из одного конца города в другой?.. Да нет, конечно, для такой могучей и дружной оравы народу это просто пустяки, движение одного мизинчика. Так что я прошу вас не бояться и относиться ко всему этому как к интересному приключению. Договорились? А вот смотрите, мы наружу выехали, солнышко светит...”

Действительно, поезд выскочил из темноты, и за стеклом мелькали серебрящиеся в дневных лучах деревья. Саша пояснил:

“Это Сосновка, природоохранная зона. Здесь никого нет, поэтому мы иногда срезаем поверху для скорости. Если бы было надо, то до самой резиденции добрались под землей, такой путь тоже есть. Сейчас снова в тоннель уйдём, потом еще чуть-чуть буквально – и мы дома”.

Лес мы проскочили в пару минут, а потом снова стало темно. Своей речью Саша меня успокоил, но всё равно было немножечко тревожно, как перед экзаменом, даже если

всё-всё выучила. Или перед свиданием (было у меня пару раз такое, я всё-таки уже большая девочка). Я молчала, уставившись в слепое окно – собиралась с духом и готовилась к предстоящей встрече.

Тем временем тоннель посветлел, стены раздались в стороны, образовав широкий зал, и поезд стал сбрасывать скорость. Я посмотрела на Сашу: “Приехали?” Он кивнул: “Да, давайте будем выходить потихоньку”. Мне стало совсем страшно. Проводник ждал нас у двери. Он спустил вниз небольшую лесенку с поручнями и учтиво снял свою фуражку, прощаясь со мной. Милый дед, подумала я, стараясь хоть как-то отвлечься, и спустилась на перрон станции. Хотя правильнее было бы назвать её вокзалом, а перрона, как такового, не было: мы очутились на гладком гранитном полу, в котором были прорезаны углубления с лежащими в них рельсами – никаких шпал не было. Зал, в котором мы оказались, был затейливо украшен инкрустациями из цветного камня: на стенах и даже потолке были изображены рабочие, смеющиеся доярки с вёслами, самолеты на фоне голубого неба, оставляющие за собой вереницы белых парашютистов и другие картины в духе соцреализма (тут я снова вспомнила уроки искусствоведения). Вокзал был огромный – в нем поместилось бы ещё с десятков таких поездов, как наш, но совершенно пустой – только у стены стоял короткий состав, похожий больше не на поезд, а на растолстевший красный трамвай (ну или, если угодно, на маленькую

электричку). Людей видно не было.

Саша подал мне руку, чтобы я не грохнулась с лесенки (у меня так дрожали ноги, что его поддержка оказалась кстати), и повёл за собой к широкой арке выхода. Мы молча поднялись наверх на мягко шелестящем эскалаторе (путь занял ужасно много времени), и оказались в небольшом вестибюле с единственной дверью наружу. “Ну, Надежда Сергеевна, приготовьтесь, – сказал мой спутник, толкая створку наружу, – теперь у вас начинается совершенно другая жизнь!”

* * *

Как бы тебе описать, Дневник, то место, где я теперь очутилась? В первые дни больше всего это напоминало мне луна-парк, в который водил меня папа в детстве – даже не по виду, а по ощущению. Огромный сад с множеством дорожек и площадей, частью оживлённых (особенно вечерами), а частью совершенно пустых, ведущих тебя к затерянным на берегах прудов маленьким беседкам. Сейчас ещё зима и холодно, лес засыпан чистым белым снегом, но по парку раскиданы открытые навильоны с зимними садами, которые не замерзают и такие же зелёные, как летом, потому что их обдувают специальным тёплым воздухом. Работают фонтаны, обалдеть можно! Рядом Москва-Река (я часто хожу на набережную), но не чувствуется ни мороза, ни сырости – деревья защищают от ветра и влажности. Тро-

пинки и сады повсюду украшены светящимися гирляндами, фонарики спрятаны и в зарослях, из-за чего в ночное время их вид делается загадочным и волшебным. Есть здесь и ухоженные лужайки, и участки совсем дикого леса, и даже горы с настоящими, хоть и невысокими скалами. Можно в любом месте взять велосипед или смешную электрическую тележку и поехать на ней, можно покататься на лыжах или на коньках по льду озера – всё, как я люблю. В некоторых местах играет тихая музыка, и вообще атмосфера самая праздничная. Людей днём встретишь редко, но к вечеру появляется много народу, неторопливо бродящего между ресторанами (они, конечно же, тоже тут есть!) В основном, люди в возрасте, ходят супружескими парами, что очень мило, но есть и молодежь, хотя я тут, кажется, самая маленькая. Все, встречаясь, здороваются и улыбаются, даже если видят друг друга в первый раз в жизни. Со мной, например, с самого начала все очень ласковы и вежливы, хотя, конечно, поначалу никто не знал, кто я такая. За всё время я только один раз встретила тут недовольное, сердитое лицо – это был какой-то порученец, который, как я поняла, только что получил нагоняй от помощников Президента, – он быстро сел в свой лимузин и укатил к воротам. Все остальные люди неизменно спокойны и приветливы.

Вообще тут целый городок. Сразу после прибытия меня сфотографировали каким-то прибором и сказали, что мне присвоен спецдопуск по высшей категории, поэтому я мо-

гу ходить где угодно (насчет остальных не знаю, но, если честно, я ни разу не видела, чтобы кого-то куда-то не пускали). Если вдруг дверь, в которую я хочу зайти, заперта, то, стоит только подойти поближе, как раздаётся тихий писк, и дверь раскрывается сама собой. Мне объяснили, что все двери снабжены особыми датчиками, которые умеют распознавать входящего, поэтому и не нужно никаких ключей или пропусков. И вот я, со своим любопытным носом, потратила первые несколько дней на то, чтобы всё хорошенько осмотреть и со всеми познакомиться.

Самый главный дом, стоящий посреди леса – это усадьба XIX века, в которой, собственно, и находится рабочая резиденция Президента. Там он принимает всякие делегации, ну и вообще, работает в кабинете. Но живёт он не там, а в жилом корпусе, тоже старинном и очень красивом – и снаружи, и внутри (хотя, по сравнению с прочими роскошествами, нужно признать, что домашние интерьеры В.В. очень скромны). Кроме этого, на территории множество зданий, настолько искусно спрятанных в ландшафте парка, что можно пройти мимо и не заметить. Например, есть церковь – небольшая, но строгая и величественная, – туда я тоже зашла, побеседовала с батюшкой. Есть, как я уже писала, несколько ресторанов и кафе, и даже супермаркет есть, и в нем всё-всё бесплатно, представляешь? В ресторанах все очень тихо и прилично, в основном люди, кто здесь работает, ходят в них обедать и ужинать, что-

бы не тратить время на готовку (я, конечно, хожу именно за этим). Что ещё? Зал приемов, два больших гостевых дома и несколько маленьких (в одном таком – крошечном, только со спальней, холлом, и малюсенькой кухней – живу я), есть большой спортивный центр, есть всякие службы – гаражи, охрана, прачечная, и даже ангар с вертолётами! Есть и просто несколько жилых домов, там живут обычные люди, сотрудники и обслуживающий персонал президента. Вообще сюда редко кто приезжает из внешнего мира – только раз-два в день иностранные гости, или официальные лица из других городов, а так почти все люди, которые вместе с Президентом управляют страной и вершат её судьбу, живут и постоянно находятся прямо здесь. Вместе с ними их секретари, администрация и прочие – всего, как мне кажется, несколько сотен человек, и это не считая военных и прислугу – но размеры резиденции настолько огромны, что вся эта толпа людей совершенно незаметна, и территория кажется пустой, как городские скверы раним утром.

Интересно, что лесные дорожки иногда выводят к совсем необычным, на фоне других, строениям. Однажды я наткнулась на угрюмое трехэтажное здание, сложенное из обычных панельных плит – примерно, как девятиэтажки на окраине нашего города. Оно было бы очень похоже на институт, в котором подрабатывает мой папа, когда не преподает, если бы не огромная, больше самого здания, тарелка космической антенны, возвышающаяся над крышей.

Удивительно, как строители умудрились спрятать это сооружение за деревьями так, что его совсем не видно. Вокруг не было ни души, но, когда я подошла ближе, дверь на входе поспешино пискнула и открылась, как и любая другая, и внутри оказался солдат, который вежливо спросил меня, чем он может помочь. Я спросила его, что это за здание, а он в ответ помялся и сказал, что, если я пожелаю, он лучше пригласит дежурного офицера и тот мне объяснит. Я смутилась и ушла, извинившись, чтобы не мешать людям работать. Пошла обратно кружной дорогой, но вышла на большую пустую проплешину посреди леса, утыканную какими-то столбиками с натянутой между ними проволокой – их было так много, что край этого странного поля терялся на фоне дальней кромки леса. Пришлось возвращаться и искать обходной путь. В другой раз на просеке я наткнулась на железную дорогу с древними, разохшимися шпалами и заржавленными рельсами, по которым явно никто не ездит уже много лет. От нечего делать, я прошла вдоль неё туда-обратно, но куда она ведёт, так и не выяснила: с одной стороны, у границы нашей территории, рельсы оказались перегорожены воротами, украшенными неизменными жестяными звездами и спиралями колючей проволоки (совершенно диссонирующий по сравнению с остальной красотой элемент декора), а с другого конца, прямо у реки, упирались в холм с массивным затвором, закрывающим, видимо, вход под землю. А на следующий день я наблюдала картину

уже совсем неподобающую: в углу резиденции, под высоким забором, приткнулись несколько дощатых развалюх-сараяв, а рядом с ними какие-то опухшие слесари в заляпаных ватниках копались под капотом старых “Жигулей”. В отличие от всех остальных местных обитателей, эти люди даже не удостоили меня взглядом, так что я поспешила удалиться. В общем, много тут было интересного, и даже странного, хотя конечно, намного приятнее было не пробираться по зарослям в поисках местных секретов (очень они мне нужны, подумаешь), а гулять по центральным аллеям, наслаждаясь красотой, чистым воздухом, и явственным ощущением приближающегося праздника, которое постоянно окрашивает атмосферу этого фантастического места.

Весь этот “городок”, о котором я пишу, называется “Дача номер два”. По соседству есть ещё дача номер три, туда можно спокойно пройти через постоянно распахнутую калитку, и там живет наш сосед – Игорь Иванович. Когда меня ему представляли, сказали, что он главный по снабжению горюче-смазочными материалами. У него довольно свирепая и некрасивая внешность, но, когда мы познакомились поближе, он оказался очень уютным, домашним и вообще, как мне показалось, хорошим человеком. Сразу же, спросив разрешения, начал называть меня на “ты” и “Наденькой”, и звал пить компот. Смешно, что у нас тут есть его тезка – вице-премьер, который тоже живет по соседству, на “даче номер четыре”. Чрезвычайно приятный и интеллигентный

человек (думаю, как и все здесь), и тоже просил без разрешения заходить в гости. Правда, его дача заметно меньше, чем две других. Самое забавное, что меня познакомили и с третьим Игорем Ивановичем – я не очень поняла, кто он такой (кажется, он и вовсе не из России, а живёт за границей), но он тоже частый гость Президента и вообще какой-то важный человек.

Ты спросишь, где же находится “дача номер один”? Она в другом месте, в нескольких километрах отсюда, и там я не была. В той резиденции находится Дмитрий Анатольевич, тот самый (с ним меня тоже познакомили, потом расскажу, если останутся силы). Он один из тех немногих, чей кортеж регулярно заезжает на территорию снаружи – почти каждый день. Как я поняла, вот эти основные люди, которым меня представили в самые первые дни моего пребывания здесь, да еще пять-шесть человек, с которыми я познакомилась позже, и есть ближний круг Президента, который фактически управляет нашим народом. Конечно, есть ещё и правительство, и парламент с думой, и губернаторы, но вся стратегия рождается именно здесь, на “даче номер два”. Я считаю, это правильно, потому что если решения принимаются одновременно сотнями людей, то они и не исполнятся никогда. Надо дать людям направление, а уже потом они сами примут все необходимые законы (конечно, если ты ведешь их верным путем, и они с тобой согласны). Но если честно, я не очень сильна во всех этих политических дебрях

и, мне кажется, опять тяну время, боясь писать о главном.

17 марта, утро

Ладно, теперь, не отвлекаясь, о самом важном (виновата сама: вчера до того расписалась, что начала отваливаться рука. Ну, зато я перечитала всё то, что получилось, и осталась довольна: писать в тетради получается намного аккуратнее, я бы сказала, художественнее, чем если, торопясь, набирать на залипающей экранной клавиатуре моего дешевого планшета. Это потому, что сначала обдумываешь предложение, а потом уже записываешь его на бумаге целиком, а в интернет-дневнике тарабанишь слова как в голову приходит, не думая. Поэтому выходит коряво. Да что я за дуручка, опять не про то пишу!)

Конечно же, я нахожусь здесь не просто так, а по приглашению хозяина этой прекрасной резиденции, и, разумеется, встречалась с ним самим – трижды с момента своего приезда.

Первый раз это произошло сразу после прибытия – ты помнишь, что я разнервничалась, как девчонка, и от смущения даже толком не могла говорить, только кивала (фу, стыдно). Когда Саша вывел меня из вестибюля, рядом с нами тут же притормозил длинный автомобиль, и из него вышел ко мне сам В.В. Не знаю, было ли это так подстроенно, или случайно получилось, но думаю, что вряд ли машину специально держали в кустах, чтобы так эффектно передо

мною появиться – слишком большая честь для меня. Как бы то ни было, первый наш разговор состоялся прямо на улице, под ярким весенним солнцем. Точнее, разговором это назвать сложно – говорил он, а я не знала, куда себя девать. Поэтому я плохо помню, о чем шла речь дословно, напишу в общих чертах. Он сказал, что рад, что я приехала, и что он очень извиняется за то, что не сможет в ближайшее время часто видаться со мной. Приближаются выборы, и поэтому у всех много работы, а он сам постоянно должен быть в разных городах и встречаться с избирателями. Сказал, что обязательно постарается выкроить время, чтобы поподробнее поговорить со мной или даже пообедать, а пока предложил развлекаться и чувствовать себя как дома. Пообещал, что мной будут заниматься и во всём помогать, если что-то потребуется, а если я захочу, то могу сходить на те самые курсы для активистов, которые действительно проходили в это время в Доме приемов (я потом сходила, посидела там часа четыре – на удивление, оказалась скука страшная, лекции под запись. Нехорошо, конечно, но большие я туда не пошла, поленилась). В общем, ничего особенного не сказал, я уже начинала успокаиваться и почти собралась с духом, чтобы расспросить его поподробнее, чего он от меня ждёт и что надо будет делать, но, вот же кулёма такая, так и не решилась это сделать. К счастью, В.В., кажется, сам понял, что я переживаю. На прощанье он подошел ко мне поближе и сказал, заговорицки понизив голос (это я

помню слово в слово): «Очень прошу вас остаться здесь на пару дней, и не уезжать домой до следующей нашей встречи. Через два дня у нас будет время чтобы узнать друг друга получше. Вы обещаете, что дождетесь?» – и эти его слова, конечно, сразу же вселили в меня радостную и спокойную уверенность. Какая разница, что я должна сделать, если этого от меня хочет сам Президент? Главное, что я ему зачем-то нужна, значит, все будет в порядке!

Второй разговор был уже долгим, настоящим. Он сдержал свое слово и вскоре пригласил меня на поздний обед на веранде над берегом озера (я писала, кажется, что тут умеют делать открытые веранды, на которых совсем не холодно зимой, потому что воздух внутри подогревается особым образом). На улице стемнело, и помещение было освещено неяркими лампами, а вдоль дорожек вокруг замерзшей воды сверкали разноцветные фонари – очень красиво.

Когда меня привели в бунгало, В.В. уже сидел за столом рядом с камином, и, растерянно задрав брови (это выглядело трогательно и немного комично), разглядывал какую-то книжку, которую он брезгливо держал двумя пальцами на отлете. На обложке книги были аляповато изображены два робота с безумно ухмыляющимися мордами, а название гласило: «Новая Надежда». Я хихикнула, увидев своё имя в таком двусмысленном контексте. В.В. услышал мой смех, обернулся и смущенно бросил книжку на стол.

“Вы только полюбуйтесь, Надя, что делают эти, с позво-

ления сказать, люди! – сердито заявил он. – На каждом углу кричат, что в стране нет свободы слова и власть зажимает свободомыслие, а сами преспокойно издают вот такую бульварную дрянь, в которой обливают помоями государственных чиновников. Без всякой цензуры – что внешней, что внутренней. Представьте, пишут, что президент растлеивает маленьких девочек и чуть ли не пожирал их под устричным соусом! И это, простите, просвещенная оппозиция? Это мыслители нашего времени?..”

Я вежливо хихикнула ещё раз и протянула руку, чтобы рассмотреть книгу поближе. Однако В.В. нахмурился и мягко отвёл мою ладонь в сторону.

“Простите, Наденька, но вам, с вашей юной неокрепшей психикой, такое читать преждевременно” – он поднялся и швырнул злосчастную книжку в огонь камина. Мне стало немного обидно оттого, что он считает меня маленькой, и я промолчала. С другой стороны следовало признать, что его прикосновение к моей руке было очень приятным и волнующим.

В.В. некоторое время смотрел, как огонь морщит и корёжит гляцевую обложку. Убедившись, что пламя окончательно стёрло буквы дурацкого названия, он вернулся на свое место и побарабанил пальцами по столу. Я открыла было рот, чтобы поздороваться и поговорить, для затравки, о погоде, но мой собеседник, видно, никак не мог отделаться от одолевающих его мыслей. опередив меня, он за-

говорил:

“Вы, наверное, тоже считаете, что право на свободу слова – это фундамент современного цивилизованного общества. Такой инструмент поддержания социальной справедливости: если вам что-то не нравится, вы вольны орать об этом во весь голос, и даже будете иметь успокоительную иллюзию того, что вас слышат. Ради Бога, ваше право закреплено в Конституции, но скажите на милость, что взамен? Какая обязанность соответствует вашему праву молоть любую чушь? А? Что скажете?”

“Владимир Владимирович, – испуганно пролепетала я, – вы, наверное, меня с кем-то перепутали. Честное слово, я вовсе не думаю, что можно оскорблять людей... да ещё таких, как вы... и вообще, надо следить за тем, что говоришь! Право же не означает ничьей безнаказанности!”

“Верно. Виноват, Надя, очень уж надоедливы эти либеральные крикуны. Они все вместе, разумеется, не стоят и одного волоса на вашей голове, наполненной правильными мыслями. Но послушайте... Вот они говорят: хотим больше прав, дайте правá. Ладно, отвечаем, дадим. А они говорят: а теперь дайте справедливое общество. А что это такое, спрашиваем? А в ответ невнятное мявканье. Типа, чтобы всё по-честному и никому не было завидно. Но это же субъективные категории, Надя – завидно, обидно... Что за детство!”

Он жестом подозвал улыбчивую девушку в фартучке (я

оглядела её с некоторой ревностью) и вполголоса попросить налить еще сока. Пока В.В. отвлекся, я попыталась незаметно присмотреться к меню, но не успела ничего выбрать: официантка вернулась с графином, В.В. отхлебнул из бокала и продолжил:

“А между тем, основы устройства самого справедливо-го общества очень легко формализовать на ясном, почти математическом языке. Есть тут у нас один э-э-э... внештатный советник, бородатый такой. Цены бы ему не было, если бы не пристрастие к бутылке. Но голова у него пока работает как надо. Так вот, он сформулировал очень просто: справедливое государство есть такое, в котором наилучшим образом соблюдается баланс прав и обязанностей. То есть права и обязанности должны быть сопоставимы качественно и количественно, понимаете? Если от человека требовать ровно столько, сколько ему давать, не больше, но и не меньше, то он будет абсолютно удовлетворен своей ролью в обществе и в жизни в целом – особенно если будет видеть, что и со всеми остальными поступают ровно так же. Вам не скучно следить за моими рассуждениями?”

“Что вы, что вы! – откликнулась я горячо. – Очень интересно. К тому же, мне и впрямь важно понять, как вы сами ко всему этому относитесь”.

Признаться, Дневник, я немножко слукавила. Во-первых, проголодалась, а рыться в меню и заказывать блюда на фоне такого глубокомысленного разговора мне казалось

невежливый. Во-вторых, в открытом бунгало, несмотря на все эти штучки с теплым воздухом, было все же зябко, и я уже начала жалеть, что натянула коротенькое платьице с колготками, а не что-то более серьезное. Сам В.В., кстати говоря, предусмотрительно надел солидный мохнатый свитер с высоким горлом, и явно не мерз – наоборот, его щеки горели от румянца. И вообще я бы предпочла поболтать не о политике, а о нем самом – как он живет, что думает... Но постепенно его речь, которая становилась все более эмоциональной (видно было, что человек говорит о наболевшем), увлекла меня всерьез. Более того, далее он принялся рассказывать такие удивительные вещи (погоди, Дневник, дойду и до них), которые поразили меня до глубины души. Так что я сегодня, наверное, до кровати не доберусь – буду записывать всё-всё аккуратненько, слово в слово, как было сказано.

“Хорошо. Редко, знаете ли, удается выговориться, особенно с таким приятным собеседником... то есть собеседницей. Скажу без ложного пафоса, что искренне считаю демократию самым прогрессивным и правильным государственным устройством – без всяких лукавых оговорок в духе Черчилля. Право на управление своей жизнью посредством демократии – священное право народа, и никто и никогда не посмеет на него покушаться. Но что взамен? Какова должна быть обязанность, уравнивающая это фундаментальное право?”

Я пожала плечами:

“Может быть, обязанность уважать и поддерживать государство, которое они сами создали?”

“Почти! Вы молодец, Надя, мы мыслим с вами в унисон. Чувствую, мы сработаемся...”

Я вспыхнула от этой неожиданной похвалы и опустила глаза. А он все рассказывал:

“Вы историк – верно? – и знаете, откуда растут корни современной демократии. Так?”

“Из Древней Греции” – прилежно, как школьница, ответила я.

“Да. В античных полисах свободные граждане (их, правда, там было немного) имели все права, какие только можно. Особенно по сравнению с... негражданами? Плебеями?”

“Метэками” – подсказала я.

“Да, метеками. И рабами. И женищинами, если не ошибаюсь. Неважно. Но взамен они имели одну главную обязанность. Отдать жизнь за полис. Взять копье и щит и сложить голову в бою с варварами. Право в обмен на жизнь – вот элементарная и пугающе понятная формула справедливого демократического общества. Вы задумывались об этом?”

“Я, Владимир Владимирович, даже сдавала реферат как раз вот по этой теме. На отлично”.

“Не сомневаюсь...”

“Только вот... – я не к месту решила блеснуть эрудицией, – потом же в Европе придумали способ куда гуманнее

– право в обмен на имущество... Отсюда весь парламентаризм – собирались лендлорды в палате и решали, на какую войну королю дать золота, а на какую нет”.

“Вы это серьезно, насчет процветания гуманизма в средневековой Европе? – смешино наморщил нос В.В. – Это печальная девальвация идеи, Надя. Вы чувствуете принципиальную мировоззренческую разницу между правом за жизнь и правом за деньги? Как же у них всё на Западе приземленно и меркантильно... Нет уж, хоть это и избитый штамп, но наша Россия – это все-таки Третий Рим, наследница античности. И нам тут нужны настоящие, полновесные, истинные права, а не те, что можно купить за бумажки...”

Честно говоря, я была ошеломлена категоричностью его слов. Право за жизнь? Что он имеет в виду? Не может же быть мой В.В. действительно тем кровожадным тираном, каким рисуют его всякие недоумки... Внезапно он отвлекся и сменил тему:

“Да что же нам ничего не несут, заснули на кухне, что ли? Пока ждал вас, сделал заказ за обоих – вы не против? Любите дальневосточные продукты? Нам должны в первую перемену приготовить гребешков и икру-пятиминутку, у нас тут есть специальный пруд с морской водой, доставляют в танкере из Японского моря...”

“Мне нравится всё то, что любите вы... Но я не очень поняла, мы все, и я в том числе – обязаны государству жизнью?”

“Ох, ну что вы, Надя, – рассмеялся он. Его настроение улучшалось с каждой минутой. – Я, верно, напугал вас всем этим мрачным средневековьем. Государство, конечно, не должно требовать от своих граждан отдать свою жизнь буквально. Но если ты хочешь быть настоящим гражданином в настоящем справедливом обществе – а мы к нему стремимся, то ты должен понимать, что патриотизм – это не пустой звук. Патриотизм и есть та основополагающая обязанность, из которой вырастают все права. Будь частью государства, его полезной клеткой, а не паразитическим или, хуже того, раковым образованием, и тогда – только тогда! – будешь иметь все права, и самое главное – управлять своей страной. А не хочешь... Ну что же. Никто, как в древних демократических Афинах, остракизму тебя за это подвергать не будет – приличные же все люди. Живи на здоровье и в свое удовольствие. Но и прав у тебя – в рамках государственных отношений, конечно, – будет ровно столько, сколько ты готов принять на себя обязанностей. Справедливо?”

“Не могу даже выразить, насколько вы правы...”

“Хорошо. Думаю, теперь вы лучшие понимаете нашу внутреннюю политику и следствия из нее. И будете благоразумно пропускать мимо ушей все эти истерические вопли про отсутствие свободы слова... Всё у нас с этим так, как и должно быть. А теперь давайте, наконец, закусим, не стесняйтесь”.

Некоторое время мы молчали, наслаждаясь свежими дарами моря. Точнее, дарами подмосковного пруда – но мне сравнивать было сложно, потому что восточнее Старого Оскола, где живет моя бабушка, я никогда не забиралась, и тихоокеанских деликатесов не едала. Подкрепившись, В.В. устремил свой взор в огонь камина и задумчиво произнес:

“Вообще, считаю глубоко абсурдным разделение личности и государства. У нас же как считается? Что государство – это некий инородный монстр, клещ – вы уж простите меня за такое неаппетитное сравнение, – который оседлал белокожее народное тело и алчно тянет из него все соки. Да ещё и заставляет топтаться в направлении пропасти из-за своих оторванных от реальности имперских амбиций. Правильно? Но вы, полагаю, легко обнаружите здесь логическое противоречие: государство – это кто такие, разве не народ? Мы с вами, Надя – не народ? А кто мы – инопланетяне, что ли? Агенты влияния мировой закулисы? Что за чушь!”

Он сокрушенно махнул рукой и перевел взгляд на меня. Я немедленно придала лицу нужное выражение – умное и одухотворенное, впитывая его слова:

“Нет, государство вырастает из масс, как бы тривиально это ни звучало. Действительно, бюрократия, выходя из народа, обособляется от него, получает привилегированное положение, и только в этом суть всех разногласий. Значит, наша задача – уравновесить бюрократию с остальным на-

селением, или, если угодно, сделать так, чтобы все граждане страны, как один, принимали участие в управлении государством, сами стали бюрократами – в хорошем смысле этого слова. Вся власть народу – вот главная мечта... Если каждый человек будет иметь полномочия в государстве, то он, фактически, получит осязаемое право на свой законный кусочек государства, а там, глядишь, и до ответственности за него недалеко... Не подумайте, Надя, что мы тут с вами занимаемся пропагандой анархизма, нет, речь идет о совсем другой, можно сказать, технологической возможности”.

“А кстати, – вдруг спросил он. – вы сами-то, если не секрет, этатист или либерал?”

“Даже не знаю, – растерялась я, – мне как-то не приходило раньше в голову их противопоставлять”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.